

Годъ 1.

1907.

ОТКЛЮЧКИ
НАРОДНАГО УЧИТЕЛЯ
— **И** —
ЕГО ДОСУГИ.

№ 11

Ноябрь

ТИПОГРАФІЯ К. А. БАРАНЪЕВА, г. ВОЛОГДА.

Редакторъ-издатель А. Ѳ. Знаменскій.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшіе приказы по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія.

(7-го іюля 1907 года, № 45). НАЗНАЧАЮТСЯ: директоръ Θεодосійскаго учительскаго института, статскій совѣтникъ **Бутовъ**, директоръ народныхъ училищъ Херсонской губерніи, статскій совѣтникъ **Богоявленскій**, инспекторъ народныхъ училищъ Ялтинско-севастопольско-евпаторійскаго района, коллежскій совѣтникъ **Руновскій**—директорами: **Бутовъ**—Луганской гимназіи, **Богоявленскій**—Θеодосійскаго учительскаго института, **Руновскій**—Херсонской учительской семинаріи, всѣ съ 1-го іюля.

УВОЛЬНЯЕТСЯ отъ службы, за выслугою срока: статскій совѣтникъ, директоръ Херсонской учительской семинаріи, **Боголюбовъ**, съ 1-го іюля.

По Рижскому учебному округу. ПРОИЗВОДЯТСЯ, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ надворныхъ въ коллежскіе совѣтники: врачи Рижскихъ еврейскихъ начальныхъ училищъ: двухкласснаго, **Виленкинъ**—съ 7-го марта 1906 г. и однокласснаго, **Гордонъ**—съ 4-го мая 1906 года; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ надворные совѣтники: учитель-инспекторъ Гаисальскаго трехкласснаго городского училища **Лойко**—съ 1-го февраля 1907 г.; учитель Ревельскаго четырехкласснаго городского училища Императрицы Екатерины II **Балнинъ**—съ 15-го августа 1906 г.; врачъ Рижскаго городского Маріинскаго женскаго училища **Рейнать** (онъ же Рейнгольдтъ—съ 19-го іюля 1906 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ кол-

лежскіе ассессоры: учитель-инспектор Аренбургскаго трехкласснаго городского училища **Талайко**—съ 20-го октября 1906 г.; учителя Юрьевского четырехкласснаго городского училища: **Шушеринъ**—съ 1-го іюля 1905 г. и **Процвѣтовъ**—съ 1-го августа 1906 г.; врачъ Феллинскаго трехкласснаго городского училища **Сосаръ**—съ 10-го октября 1904 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титულлярные совѣтники*: сверхштатный учитель Рижскаго трехкласснаго городского училища **Тихомировъ**—съ 1-го іюля 1904 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: учителя: городскихъ начальныхъ училищъ: Рижскихъ соединенныхъ, **Ленинъ**—съ 1-го января 1906 г. и **Абель**—съ 1-го августа 1905 г.; Рижскаго, **Озолинъ**—съ 1-го октября 1905 г. и Ревельскаго 5-го, **Морозовъ**—съ 18-го августа 1906 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: дѣлопроизводитель дирекціи народныхъ училищъ Лифляндской губерніи **Куутъ**—съ 30-го іюня 1907 г. и учитель Рижскихъ городскихъ соединенныхъ начальныхъ училищъ **Цируль**—съ 1-го января 1904 года.

УТВЕРЖДАЕТСЯ въ чинѣ, со старшинствомъ: *коллежскаго секретаря*, учитель Феллинскаго трехкласснаго городского училища **Глаголевскій**—съ 1-го января 1903 г.

(13-го іюля 1907 года, № 47). НАЗНАЧАЕТСЯ: директоръ ремесленно-воспитательнаго заведенія имени Н. П. Тραπεзникова, въ гор. Иркутскѣ, статскій совѣтникъ **Шангинъ**—директоромъ Иркутскаго промышленнаго училища.

По Казанскому учебному округу. ПРОИЗВОДЯТСЯ, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: наставникъ Казанской учительской семинаріи **Вилькенъ**—съ 6-го іюня 1906 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: учитель Вольской учительской семинаріи, **Соловьевъ**—съ 24-го апрѣля 1904 г.; въ *коллежскіе регистраторы*, учитель Уржумскаго приходскаго училища **Николаевъ**—съ 16-го февраля 1904 г.

УТВЕРЖДАЮТСЯ въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго совѣтника*, инспекторъ народныхъ училищъ Казанской губерніи **Крестниковъ**—съ 1-го іюля 1903 г.; *коллежскаго ассессора*: учитель Казанскаго промышлен. училища **Рещевъ**—съ 1-го сентября 1902 г.; *коллежскаго секретаря* учителя городскихъ училищъ: четырехклассныхъ: Вятскаго, **Петровъ**—съ 1-го августа 1902 г.; Сарапульскаго, **Борисовъ**—съ 6-го

іюля 1900 г. и **Головъ**—съ 14-го іюля 1901 г. и трехклас-
сныхъ: **Ядринскаго**, **Оеодосіевъ**—съ 1-го августа 1902 г. и
Козьмодемьянскаго, **Александровъ**—съ 1-го августа 1902 г.;
коллежскаго регистратора: учитель чистописанія и рисованія
Алатырскаго городского трехкласснаго училища **Каменьщи-**
ковъ—съ 6-го октября 1901 г. и домашній учитель Казан-
ской дирекціи народныхъ училищъ **Матвѣевъ**—съ 15-го ав-
густа 1906 г.

(24-го іюля 1907 года, № 48). НАЗНАЧАЮТСЯ: дирек-
торъ народныхъ училищъ Тульской губерніи, дѣйствитель-
ный статскій совѣтникъ **Богословскій**—директоромъ Ярослав-
скаго реальнаго училища, съ 1-го іюля; директоръ Новин-
ской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ **Одинцовъ**—
директоромъ народныхъ училищъ тульской губерніи; инспек-
торъ народныхъ училищъ Кишиневскаго уѣзда, Бессараб-
ской губерніи, статскій совѣтникъ **Лакашинъ** и преподава-
тель Кубанскаго Александровскаго реальнаго училища, кол-
лежскій секретарь **Виноградовъ**—директорами: первый—Пре-
славской учительской семинаріи и послѣдній—Тамбовскаго
Екатерининскаго учительскаго института, изъ нихъ: **Лака-**
шинъ—съ 1-го іюля 1907 г.

По Варшавскому учебному округу. ПРОИЗВОДЯТСЯ,
за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ надворныхъ въ *кол-*
лежскіе совѣтники: Вейверской учительской семинаріи, **Анто-**
сюкъ—съ 1-го августа 1906 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ
въ *надворные совѣтники*: инспекторъ народныхъ училищъ Сѣ-
длецкой губерніи **Васильевъ**—съ 20-го января 1907 г.; изъ
титularныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: врачъ Под-
зинскаго мануфактурно-промышленнаго училища **Висневскій**—
съ 13-го января 1901 г.; штатный учитель Бѣльской учи-
тельской семинаріи **Сенько**—съ 1-го сентября 1905 г.; учи-
теля-инспекторы Варшавскихъ городскихъ училищъ: ше-
стикласнаго, **Ооиминскій**—съ 1-го октября 1903 г. и четырех-
класснаго, **Апродовъ**—съ 1-го сентября 1906 г. и учитель
Варшавскаго шестикласнаго городского училища **Криворуч-**
кинъ—съ 1-го августа 1906 г.; изъ коллежскихъ секретарей
въ *титularные совѣтники*: дѣлопроизводитель канцеляріи
Сувальской учебной дирекціи **Кеслеръ**—съ 1-го сентября
1904 г.; учитель 1-го Варшавскаго трехкласснаго городского
училища **Сердюковъ**—съ 24-го августа 1902 г.; въ *коллежскіе*

регистраторы: дѣлопроизводители канцелярій учебныхъ дирекцій: Кѣлецкой, **Масюкъ** и Плоцкой, **Кобринъ**, бухгалтеръ канцеляріи Сѣдлецкой учебной дирекціи **Гольчевскій**, писмоводитель Варшавскаго ремесленного имени М. Конарскаго училища **Марцинковский**, писецъ высшаго оклада канцеляріи Сувалкской учебной дирекціи **Крашкевичъ**, всѣ пятеро—съ 5-го октября 1906 г.

По Виленскому учебному округу. ПРОИЗВОДЯТСЯ, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные советники*: учитель-инспекторъ Игуменскаго городского училища **Романовскій**—съ 11-го октября 1906 г.; учитель Игуменскаго городского училища **Любонскій**—съ 16-го октября 1906 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титularные советники*: учителя городскихъ училищъ: Гродненскаго, **Проконцевъ** и **Мануевъ**, оба—съ 1-го августа 1904 г., Новогрудскаго, **Демидовичъ**—съ 1-го августа 1907 г.; въ *коллежскіе регистраторы* учителя приходскихъ училищъ: Росскаго, **Литвиновичъ**, Волковыскаго **Симоновичъ**, Верцелишскаго, **Матешукъ**, Бѣлостокскаго, **Николаевъ**, Брестъ-Литовскаго крѣпостного, **Василюкъ**, Гродненскаго 4-го, **Куцко** и Гродненскаго 3-го, **Кисель**, всѣ семеро—съ 5-го октября 1906 г., Сокольскаго, **Шидловскій**—съ 1-го сентября 1905 г. и Клещельскаго **Охрицъ**—съ 1-го сентября 1902 г.

УТВЕРЖДАЮТСЯ въ чинахъ, со старшинствомъ: *титularнаго советника*, штатный врачъ Мирскаго городского училища **Гольдбергъ**—со 2-го апрѣля 1903 г., по степени звѣрка; *коллежскаго секретаря*: завѣдывающій Раковской низшей ремесленной школой **Пальцевъ**—съ 1-го мая 1902 г.; учитель общеобразовательныхъ предметовъ Минской школы ремесленныхъ учениковъ **Ковановъ**—съ 1-го августа 1902 г.; учителя городскихъ училищъ: Пинскаго, **Кохланъ**—съ 1-го августа 1902 г., Пружанскаго, **Костюкъ**—съ 1-го іюля 1902 г., Сокольскаго, **Шулицкій**—съ 1-го августа 1902 г.; *губернскаго секретаря*, бывшій учитель уѣзднаго училища, нынѣ учитель Пружанскаго городского училища **Третьякъ**—съ 1-го января 1901 г.

Высочайшія награды по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Главноуправляющаго Собственною Его Императорскаго Ве-

личества канцелярією ходатайства Намѣстника Его Императорскаго Величества на Кавказѣ, въ Монаршемъ вниманіи къ пятидесятилѣтней отлично-усердной и полезной педагогической дѣятельности по народному просвѣщенію учителя—завѣдующаго евангелическо-лютеранскимъ двухкласснымъ приходскимъ училищемъ въ гор. Тифлисѣ Матвея *Шварца*—Все-милостивѣйше соизволили пожаловать ему, 2-го іюля сего года, орденъ св. Анны 3-й степени.

Опредѣленія основнаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

Опредѣленіями основнаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

Признать заслуживающею вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній слѣдующую книгу:

— „*Зайчикъ, Робертъ*. Люди и искусство итальянскаго возрожденія. Переводъ съ нѣм. *Е. Герстфельдъ*, подъ ред. *Г. Форстена*. Издалъ В. Березовскій. С.-Пб. 1906. Стр. VIII+404. Цѣна 2 руб. 50 коп.“

Опредѣленія отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію.

Опредѣленіями отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Нагимовъ, Николай*. Вѣра, молитва и жизнь православнаго христіанина. С.-Пб. 1907. Стр. VII+258. Цѣна 20 коп.“

— „Ушинскій, К. Родное слово для дѣтей младшаго возраста. Годъ 2-й. Изд. 118-е. С.-Пб. 1907. Стр. 188+IV. Цѣна 35 коп.“

б) въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

— „Смирновъ, К. Курсъ педагогики. Часть 2-я. Методика учебныхъ предметовъ начальной школы. 3-е изд. К. И. Тихомирова. М. 1907. Стр. 159+IV. Цѣна 60 коп.“ (также въ качествѣ руководства для тѣхъ учебныхъ заведеній, въ коихъ преподается методика учебныхъ предметовъ начальной школы).

в) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

— „Алешинъ, Вл. Въ плѣну и на волѣ. Разказы и сказки изъ жизни пернатыхъ. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1907. Стр. 93. Цѣна 1 руб.“

— „Бодановъ, М. Н. Изъ русской природы. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1907: 1) Три разказа про птицъ. Стр. 31.—2) По гнѣзда, по яйца! Разказъ. Стр. 24.—3) Соловей. Очеркъ. Стр. 24.—4) Синичка. О чемъ горевали птички. Два очерка. Стр. 32. Цѣна каждой книжки 10 коп.“

— „Бостромъ, А. Какъ Юра знакомится съ жизнью животныхъ. Разказы о животныхъ и ихъ жизни. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. Стр. 139. Цѣна 75 коп.“

— „Фонъ-Горнъ, В. О. Бѣлоголовый. Разказъ. Переводъ Г. А. Чарусскаго. Изд. В. Д. Губинскаго, С.-Пб. Стр. 92. Цѣна 30 коп.“

— „Зыковъ, А. Русская исторія. Изд. ред. журн. «Досугъ и дѣло». С.-Пб. 1907. Стр. 311. Цѣна 50 коп.“

— „Петрушка. Народный кукольный театръ. Изд. А. Д. Ступина. М. 1907. Стр. 29. Цѣна 10 коп.“

— „Постыловъ, С. Тысячу лѣтъ тому назадъ. Изд. ред. журн. «Юная Россія». (Библіот. для семьи и школы). М. 1907. Стр. 32. Цѣна 12 коп.“

— „Розинъ, Б. Физика для народа. Теплота въ восьми лекціяхъ. Изд. т-ва И. Д. Сытина. (Книга для современной школы). М. 1907. Стр. 126+II. Цѣна 50 коп.“ (для городскихъ и 2-хлассныхъ сельскихъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

— „Юрѣва, М. Изъ жизни одной дѣвочки. Разсказъ для дѣтей. Изд. 2-е. В. С. Спиридонова. М. 1907. Стр. 58. Цѣна 30 коп.“

— „Юрѣва, М. Около хорошихъ людей. Разсказъ для дѣтей. Изд. 2-е, В. С. Спиридонова. М. 1906. Стр. 55. Цѣна 30 коп.“

2. Допустить условно слѣдующую книгу:

къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „Оловягининыхъ, Н. Начатки естествознанія. 4-е изд. К. Тихомирова. М. 1907. Стр. IV+367. Цѣна 1 руб. 25 к.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи приняты были во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

СПИСОКЪ КНИГЪ,

разсмотрѣнныхъ ученымъ комитетомъ и признанныхъ заслуживающими вниманія при пополненіи бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

— „Волтикъ, М. Объ арміи. С.-Пб. 1907. Стр. IV+128. Цѣна 20 коп.“

— „Потебня, А. А., и В. Я. Скробишевскій. Руководство по виноградарству. Изд. А. Ф. Девріена. (Учебники, составл. по порученію департамента земледѣлія). С.-Пб. 1906. Стр. 464. Цѣна 1 р. 50 коп.“

— „Розановъ, Н. Я. О венерическихъ болѣзняхъ и сифилисѣ. Издалъ В. Березовскій. С.-Пб. 1907. Стр. 63. Цѣна 50 коп.“

— „Розинъ, Б. Физика для народа. Теплота въ восьми лекціяхъ. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. (Книга для современной школы). М. 1907. Стр. 126+II. Цѣна 50 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы издателемъ удаленъ былъ изъ книги вклеенный между заглавнымъ листомъ и предисловіемъ рекламный листокъ подъ названіемъ „Книги для современной школы).“

— „Хавкина, Л. В. Какъ люди научились строить жилища. (Библіотека «Другъ дѣтей». Подъ ред. Н. В. Тулунова). М. 1906. Стр. 167. Цѣна 20 коп.“

Воспоминанія изъ школьной жизни за 17 лѣтъ.

Имѣя отъ роду 17 л., я въ 1885 г. поступилъ учителемъ—воспитателемъ въ земскую школу с. Терновки Павлоградскаго уѣзда. Эта школа была первымъ этапнымъ пунктомъ дальнѣйшихъ моихъ перекочевокъ изъ села въ село, изъ уѣзда въ уѣздъ.

Смѣна учителей для данной школы не полезна вообще, но для учителя отъ перехода есть все-таки польза, такъ какъ переходы, путемъ сравненій, даютъ возможность скорѣе изучить крестьянскую жизнь въ большемъ масштабѣ, чѣмъ сидя въ одной школѣ. Даже своего рода поэзію ощущаешь въ томъ, что подъѣзжаешь къ незнакомому селу, да еще новаго уѣзда. Цѣлый рой мыслей кружится въ головѣ, но больше думаешь о томъ: каково-то зданіе школы? каковъ батюшка—законоучитель, народъ и т. п. Ыдешь съ чувствомъ искренняго желанія принести пользу и поставить себя такъ, чтобы считали тебя за учителя. Особенно идеальную настроенность переживалъ я въ первые годы учительства, когда испытывалъ что-то вродѣ призванія, можетъ быть потому, что была энергія молодая и избытокъ силъ. Въ послѣдствіи я пришелъ къ горькому разочарованію. Воображеніе рисовало мнѣ тогда такія перспективы, какія только въ сказкахъ мыслимы; фантазія толкала на сближеніе съ народомъ, до подражанія во всемъ: въ костюмѣ, пищѣ и даже въ обычаяхъ. Носилъ я красную кумачную рубаху мѣстнаго покроя, фль грачен и лепешки и т. п. Говорилъ слова, которыхъ и самъ еще не усвоилъ;—словомъ хотѣлъ слиться, но дальнѣе внѣшняго подражанія не пошло. Не всегда за чистую монету прии

малась поддѣлка. Прошло 3—4 года, пока я не втянулся въ деревенскую жизнь и не свылся съ положеніемъ „культурнаго одивочки“. Постепенно началъ приходить къ выводу, что хорошимъ учителемъ можно быть и безъ поддѣлки къ „волкамъ“, т. е. не всегда нужно по волчьи быть, хотя живешь и между волками. Я зналъ еще до учительства, что учитель долженъ служить примѣромъ порядочности, но не идти въ разрѣзъ съ традиціонными понятіями и всѣмъ укладомъ, выработаннымъ вѣками. Бороться противъ пьянства, лѣни и предрасудковъ учитель долженъ, но для этого у него мало или совсѣмъ нѣтъ средствъ, кромѣ одного радикальнаго—гласить въ школѣ ученикамъ, что водка губить, лѣнь—мать всѣхъ пороковъ и т. п. Искоренять предрасудки очень трудъ: ибо само духовенство поддерживало ихъ. И не удивительно: въ духовной Семинаріи естествознаніе не проходится, а извѣстно, что „недостатокъ естествознанія порождаетъ суевѣрія“ и предрасудки. Меня коробило отъ объясненія, почему зѣвающій долженъ осѣнять ротъ крестомъ; стоило чихнуть—значить признакъ правды на лицо, если идетъ разговоръ. Попросишь воды,—тебѣ съ водой отвѣщаютъ и поклонъ. На меня все это производило впечатлѣніе китайскихъ этикетовъ. Вѣроятно и крестьяне были отъ меня не въ меньшемъ восхищеніи. Помню хорошо, какъ удивляло всякій разъ мужика то, что я за спичку говорилъ *спасибо* и вообще не былъ скупъ на это слово, которое считается крестьянами высшимъ проявленіемъ признательности.

Если, напр., крестьянинъ въ чемъ нуждался, то обращался ко мнѣ съ такими словами: Мы къ твоей милости, Гаврилъ Гаврилычъ, на счетъ тые... ребенка“... Такой монологъ могъ бы огоршить городского человѣка (украинца), т. е. дерзость „на ты“ и „мы“. Долгое время я не переваривалъ такой фамиллярной терминологіи, но... потомъ ожилъ. Открытую борьбу противъ рѣжущей слухъ и оскорбляющей человѣческое достоинство рутины я началъ въ школѣ съ малышами, гдѣ мнѣ никто не мѣшалъ. Но не такъ легко было бороться, какъ я думалъ. Въ школѣ, особенно 1-й годъ, я столкнулся съ такими явленіями, какія въ средней школѣ не извѣстны даже и по наслышкѣ, благодаря не тому, что составъ учителей городскихъ школъ выше, а просто отъ того, что городъ и село 2 полюса сѣверный и южный. То, что

считается въ селѣ (въ средѣ даже взрослыхъ) въ порядкѣ вещей, въ городѣ порицается. Но я твердо рѣшилъ вести образованіе и воспитаніе Ванекъ, Афонекъ, Дашекъ, Акулекъ „развернутымъ строемъ“.

Помню, что на первыхъ порахъ возбуждалъ даже взрывъ хохота тотѣми, то другими требованіями и реформами. Прежде всего, по новости, я завелъ платки, которые и у взрослыхъ не приняты въ обиходъ; запретилъ плевать и сморкаться на полъ и т. п.

Прошло 10 лѣтъ прозябанія въ 5—6 школахъ Б—скаго и П—го уѣздовъ. На темномъ фонѣ „старой школы“ начали показываться другіе свѣтильники, обновленные появленіемъ свѣтлыхъ лучей въ лицѣ новыхъ, болѣе современныхъ, инспекторовъ, новыхъ реформъ, повысилась программа и пинципы учителя открылся болѣе широкій просторъ.

Съ 1885 г. вырисовалось ясно два типа народной школы—земская и церковноприходская (вѣрнѣе вторая, а первая уже была). Симпатіи народа тогда (да и теперь) лежали на сторонѣ первой, хотя духовенство превозносило новоявленные школы до седьмыхъ облаковъ и заманивало въ нихъ путемъ рекламъ и несбыточныхъ обѣщаній.

Но не приглядное матеріальное положеніе тогдашнее (120—180 р.) побудило меня поступить въ церковно-приходскую школу, дабы добиться сана діакона и лучшаго оклада и будущности. Служба въ школѣ оказалась мнѣ настолько не подъ силу, что я отказался отъ предпріятія и поступилъ вновь въ земскую школу. Не буду пристрастенъ, если скажу откровенно, что церковно-приходскія школы не учатъ, а калѣчатъ дѣтей, ибо подъ видомъ привитія дѣтямъ „религіозно-нравственныхъ началъ“ готовятъ изъ нихъ какихъ-то попугаевъ. Какое воспитаніе получаютъ дѣти, когда ихъ учитель—этотъ не погрѣшимый авторитетъ въ ихъ глазахъ—часто стоитъ на вытяжку, „уставясь въ землю лбомъ!“ *Хорошій учитель, хорошая школа* не слѣдуетъ понимать въ буквальномъ смыслѣ, за рѣдкими исключеніями, такъ какъ слово „хорошій“ берется въ соотвѣтствіи умѣнья угодить батюшкѣ и матушкѣ, дьячку и дьячихѣ... На сколько учитель сумѣетъ угодить причту, на столько онъ можетъ быть увѣренъ въ благопріятномъ исходѣ при ревизіи Наблюдателя, если бы дѣло стояло даже на точкѣ замерзанія.

Словомъ пословицы „Рука руку моетъ“ и „Скачи, враже, якъ панъ скаже“ вполне отражаютъ характеръ ц.—пр. школъ, дни или мѣсяцы которыхъ сочтены, кажется. Эти школы служатъ только этапомъ для достиженія діаконства или священства, смотря по тому каковъ учитель, даютъ возможность О. о. завѣдующимъ пристроить своихъ дочерей впрередъ до появленія „богословствъ“ и т. п., но прямого своего назначенія, за рѣдкими исключеніями, не выполняютъ.

Крестъне, монахи, „второклассники“, солдаты, прохожіе, „герои“, убоявшіеся семинарской премудрости,—вотъ главный контингентъ учителей, несущій на своихъ плечахъ образованіе злосчастной части народа. „Епархіалки“ и другія лица „съ правами“, діакона, составляютъ меньшинство.

Чѣмъ хуже учитель (по умѣнью учить), тѣмъ лучше выходитъ школа, если только „учитель“—недоучка стгушуетеся аки рабъ и хорошо знакомъ съ инструкціей чинопочитанія.

А какова дисциплина въ школахъ грамоты и церковноприходскихъ! Только въ тѣхъ школахъ, гдѣ священникъ человѣкъ гуманный, не царствуетъ произволъ: тумакъ, шелчки, отборная брань, „на колѣни“ и „безъ обѣда“... Завѣдующіе, въ большинствѣ, какъ мнѣ извѣстно, даже поощряютъ кулакъ и др. реальные мѣры, и особенно настаиваютъ на этомъ, когда ожидаютъ наблюдателя, или передъ экзаменомъ. Пришлось мнѣ спросить одного ученика: «Отчего это у тебя, Кирилъ, пятно голое на головѣ, величиною съ пятакъ?».

Отвѣтъ: „це вырвали псаломщикъ, щобъ уроки лучше вчывъ“. А мало-ли такихъ жертвъ сокрыто во мракѣ неизвестности! Если бы вести списокъ жертвъ, то получилась бы любопытная схема, по которой можно было бы прослѣдить психологію г.г. „учителей“ и оо. завѣдующихъ. Но каста духовныхъ до того замкнута и такъ тонко работаетъ, что если бы даже и ребро кто вышибъ, то и тогда отцу жертвы не добиться до правды. Въ земскихъ школахъ, гдѣ учителя на высотѣ своего дѣла почти всѣ, дѣло воспитанія поставленно лучше, но не могу умолчать, что и земская школа съ трехлѣтнимъ курсомъ не даетъ того, что нужно для современной культурной жизни. Впрочемъ она даетъ главное—хорошіе задатки и элементарныя прочныя свѣдѣнія по русскому языку, ариметикѣ, родиновѣдѣнію и отечествовѣдѣнію, а также сообщаетъ лоскъ: вѣжливость, (часто игнори-

руему въ крестьянскомъ быту), смѣтливость и т. п. и толчекъ къ самообразованію; затѣмъ окончившіе школу цѣнятся и хозяевами—нанимателями лучше, чѣмъ неграмотные. Значительная доля результатовъ школы сглаживается съ годами, такъ что къ 16—17 годамъ бывшій ученикъ превращается почти въ первобытное состояніе, если не беретъ ни пера, ни книги въ руки года 4.

Оканчиваютъ школу лѣтъ 12—13. Къ 16 годамъ складывается міровоззрѣніе и характеръ. Я поставилъ за правило по этому всячески побуждать своихъ окончившихъ не порывать связи со школой, а для этого я приглашалъ на повторительный годъ, выдавалъ книги, журналы и проч.

Были случаи, что даже снятіе шапки забывалось черезъ годъ, особенно, когда окончившій попадалъ въ штатъ писарей, гдѣ задоръ считался ухорствомъ и т. п. Если бы ученики сидѣли до 15—16 лѣтняго возраста въ школѣ, то школа уже положила бы прочную печать познаній. Блестательно окончившій курсъ къ призыву не прочтетъ даже и письма, попечатному еле читаетъ, а объ ариметикѣ только смутныя понятія бродятъ въ головѣ. Бываетъ, что попадаетъ на службу малограмотнымъ и неучившимся въ школѣ, а со службы приходитъ уже „вумнымъ“, такъ что и въ писаря поступаетъ. Это сбиваетъ съ толку наивныхъ сельчанъ, которые почеркъ сятаютъ верхомъ учобы. Какъ ни наивенъ такой взглядъ крестьянъ на просвѣщеніе, но съ нимъ нужно считаться. А чтобы скорѣе началось пробужденіе, необходимо побольше книгъ, чтеній народныхъ, и продлить курсъ сельскихъ школъ до 5 лѣтъ. Есть села, гдѣ поголовно ничего не читаютъ и не сознаютъ еще необходимости читать.

Учитель Гавріилъ Молчановъ.

Пожарный Федоръ.

Подъ такимъ заглавіемъ записано у меня нѣсколько впечатлѣній отъ той деревни, въ которой я два года учительствовалъ.

Осенью, 13 сентября 1902 года, пріѣхалъ я на новое мѣсто учительства, въ деревню Бестужевку Самарскаго уѣзда.

Зданіе училища еще только начали рубить: вывели до оконъ. Я сталъ на квартиру къ мужику, изба котораго была пуста (онъ жилъ въ Сызрани) за 3 руб. въ мѣсяцъ. Первое скверное впечатлѣніе на новомъ мѣстѣ получилось, какъ обычно бываетъ, отъ недостатка топлива. Недаромъ эта подробность школьной жизни увѣковѣчена въ нѣсѣ «На порогѣ къ дѣлу»; это, дѣйствительно, самое больное мѣсто захолустныхъ школъ... Хату-квартиру надо топить, а дровъ лишь одинъ возъ... Цены съ постройки всѣ до-гла растаскивались деревенскими бабами и дѣвками, съ которыхъ плотники за это брали арбузы и дыни...

Противъ школы былъ лабазикъ съ навѣсомъ. Подъ навѣсомъ стояла кляченка, а въ лабазѣ сидѣлъ человекъ, котораго всѣ звали Федоромъ... Это былъ «пожарный обозъ»... И подошелъ къ пожарному Федору поговорить, не наймется-ли онъ собирать щены за рубль въ мѣсяцъ. Онъ закачалъ головой, замычалъ и наотрѣзъ отказался отъ предлагаемаго дѣла: «они убьютъ, развѣ съ ними драться да маяться? Народъ волинца!» Отъ его словъ, отъ тона рѣчи и отъ всей его фигуры повѣяло на меня такою удручающей тоскою, что я до сихъ поръ не могу забыть полученнаго впечатлѣнія...

Федоръ былъ русскій, но напроминалъ чувашенина. Глаза его еле глядѣли, постоянно слезились и гноились. Борода состояла изъ щепотки волосъ на самомъ нижнемъ мысу подбородка; усовъ почти не было... Волосы на головѣ были длинные, но очень рѣдкіе, какіе-то землистаго цвѣта. Ему было 43 года, но казалось—подъ шестьдесятъ. Отъ всего его облика съ губами, которыя уже «предались землѣ», вѣяло смертью.

Этотъ деревенскій пожарный казался мнѣ остаткомъ какого-то стариннаго порядка. Въ тѣхъ селахъ, гдѣ я служилъ раньше, было не такъ. Федоръ въ роли пожарнаго меня удивилъ. По физическимъ силамъ и здоровью, а потому и по вѣншему впечатлѣнію, гармонировала съ хозяиномъ и его тощая кляченка.

Какъ-то разъ Федоръ разговорился со мною и сообщилъ, что онъ изъ подъ Промзина, въ которое народъ ходитъ молиться Святителю Николаю Чудотворцу. Тамъ у него съ братомъ четыре десятины земли—отцовская «полдуша». Онъ самъ—шесть пріѣхалъ изъ-за Волги по послѣднему пути предъ весною... Въ Обшаровской больницѣ умерла его жена. Онъ остался съ мальчикомъ 14 л., дѣвочкой 13 л. и еще двумя дѣвочками по четыре года: одна изъ нихъ родная дочь, а другая—приведенная: онъ вдовцомъ женился на вдовѣ... Послѣ я узналъ, что богатые хуторяне просили у него въ пріѣмыши обѣихъ маленькихъ дѣвочекъ, но онъ отвѣчалъ: «не отдамъ, я ихъ люблю, какъ нѣбудь прокормлю... Пусть растутъ при мнѣ: Вѣрка похожа на свою мать, а Марька на мою первую жену» (отъ второй жены дѣти у него умирали нѣсколькихъ недѣль)...

Федоръ оставилъ старшаго мальчика въ подпаскахъ въ Обшаровкѣ, а съ остальными пріѣхалъ въ Бестужевку кормиться Христовымъ именемъ. Бестужевцы наняли его съ лошадыю за 30 руб. къ пожарному сараю, общались для лошади давать соломы... Тутъ онъ и сидѣлъ до Покрова: самъ почевалъ всегда въ сараѣ, а дѣтишки только пока тепло, а потомъ, когда старшая дѣвочка простудилась, заболѣла «лихоманкой», онъ размѣстилъ семью въ двухъ сосѣднихъ избахъ, куда перебрался послѣ Покрова и самъ. Я жилъ у третьяго отъ сарая мужика и часто видѣлъ хозяевъ тѣхъ избъ, въ которыхъ размѣстился съ семьей Федоръ. Они рассказали мнѣ много любопытнаго...

Изъ встрѣчъ моихъ и разговоровъ съ Ѳедоромъ я составилъ представленіе о немъ какъ о человѣкѣ отжившемъ, у котораго атрофировались всѣ душевныя и почти всѣ физическія силы и способности, который испытываетъ страхъ передъ каждымъ смѣлымъ словомъ и жестомъ. Оказалось, что въ моемъ Ѳедорѣ есть глубокая привязанность къ дѣвочкамъ, которыхъ онъ низачто не хотѣлъ отдать на воспитаніе богатымъ хуторянамъ, не смотря на свою дряхлость, хилость, сиротство и бѣдность; онѣ ему напоминали любимыхъ подругъ жизни, зарытыхъ преждевременно въ могилу, не вынесшихъ муки бѣдности и оставившихъ его одного на скорбномъ пути двояннѣ испытывать всѣ бѣдствія тяжелой жизни... Рядомъ съ этою симпатичною чертою я узналъ о многихъ отрицательныхъ... Онъ тютюномъ выживалъ изъ избы хозяевъ, никогда не крестился, не молился и слова не говорилъ безъ безобразной мужицкой браги.

«Вотъ какой этотъ Ѳедоръ, ужъ и не рады мы, что его пустили,» жаловалась намъ хозяйская дѣвочка: «тятя думалъ, что онъ съ насъ хоть не возьметъ 20 к. съ дыма (плата за сидѣнье у околицы), а онъ пристае: «вынь да выложи!..» Ничего намъ за квартиру не платить, а самъ съ своей Алимпіадкой всю печку занялъ... У насъ въ избѣ-то холодно... Бывало мы съ татей спали на печи, а теперь намъ негдѣ».

— Вы бы ихъ попросили спать на полатахъ,—посовѣтовалъ я.

— Мы давно разобрали, ларь для муки сдѣлали. Только и надѣемся на печку... а они хитры... Мы ужинаемъ каждый день, а у нихъ, знаешь, ужинать-то нечего... Мы сядемъ ужинать, а они тѣмъ часомъ и захватятъ печку-то, возьмутъ туда хлѣба да воды... Каждый день этакъ-то...»

Я дивился этой возможности Ѳедора захватывать печку... Прошло нѣсколько дней... Та-же дѣвочка принесла намъ воды съ рѣки и какъ бы начала продолжать повѣсть о квартирантѣ: «Дуракъ что-ли этотъ Ѳедоръ?! То ѣли они одну картошку, а вчера принесъ полфунта постнаго масла, накрошилъ мягкаго хлѣба, налилъ воды и вылилъ въ тюрю все масло... Ребятишки не стали ѣсть, а самъ онъ половину съѣлъ вчера, а другую доѣлъ сегодня. Варить бы похлебку съ масломъ, на медѣлю бы достало»...

Наступила зима. Всюду бѣло. Волга стала... Пошли нѣшеходы, скоро поѣдутъ обозы... Ѳедоръ съѣздили въ Обша-

ровку за саями. Сталь собираться уѣзжать. . Онъ купилъ десять пудовъ ржаной муки и сталь кормить свою клячу... Мѣсилъ ей по нѣскольку разъ въ сутки... Деньги съ деревни онъ собралъ всѣ и должно быть рѣшилъ подкрѣпить и себя съ ребятишками. Дня за три до отъѣзда Ѳеодора хозяйская дѣвченка сидѣла у насъ на крылечкѣ и съ соболѣзнованіемъ передавала: нынче дядя Ѳеодоръ Алимпіадку до полусмерти избилъ, зажалъ ея голову въ колѣни и дунилъ-дунилъ...—Что же она сдѣлала?—«Да смѣшно и разсказать!.. Онъ купилъ у старостиныхъ овечій гусекъ и отдалъ мамѣ сварить весь сразу... Когда пошелъ самъ на деревню деньги собирать, то Алимпіадкѣ сказалъ: «уварится, ѣшьте все, только мнѣ печенку оставьте»...

Мы и не видали, когда онѣ ѣли: я въ училищѣ была, тятя на хутора ходилъ, а мама у Леоновыхъ бѣлье стирала. Вечеромъ Ѳеодоръ пришелъ, сѣлъ за столъ и велѣлъ Алимпіадкѣ подать ужинъ. Алимпіадка подала горшекъ съ остаткомъ «гуська» на столъ... Ѳеодоръ досталъ ложкой кусокъ гуська и шибко заоралъ: «Рази это печенка? Дура! это легка.» Онъ схватилъ веревку и началъ Алимпіадку бить и приговаривать: «Дура! Дура! Не знаешь печенку! Не знаешь легку! Вотъ тебѣ печенка, вотъ тебѣ легка!» Насилу тятя съ мамой отняли. Онъ злой Ѳеодоръ-то и такъ, а тутъ еще голодный пришелъ. . Алимпіадка цѣлую ночь плакала. Да она, видно, прад-а дура: не знаетъ печенку.. Аль у нихъ своихъ гуськовъ-то никогда не было. У насъ вотъ каждый годъ колютъ три—четыре овцы»...

Передъ отъѣздомъ Ѳеодоръ ходилъ по селу, прощался и собиралъ лохмотья, чтобы кутаться самому и дѣвочкамъ. У него, впрочемъ, было полушубокъ, а у дѣвченокъ, какъ говорили, не было шубнаго лоскута. Валенокъ было только двое: у самого и у Алимпіадки; пастушенокъ и двѣ дѣвченокъ поѣхали въ чулкахъ... Бабы плакали, провожая это несчастное семейство. Я шелъ изъ школы, когда Ѳеодоръ ѣхалъ «на Г-раки»; онъ сошелъ съ саней и простился со мною за руку, благодарилъ за то, что я ему часто давалъ хинныхъ порошковъ отъ лихоманки. Я посмотрѣлъ имъ въ слѣдъ и подумалъ: «Доедутъ-ли они благополучно до родного села подъ Промзынымъ, куда ходятъ къ св. Николаю Чудотворцу, или дорогою падеть лошадеика и бѣдняки хитростью заберутся на

чужую печьку въ чужой деревнѣ... Что встрѣтятъ они въ родномъ селѣ? Сначала слезы сосѣдокъ объ умершей на чужой сторонѣ Палагеѣ, а потомъ та-же нужда, которая погнала Ѳедора на нашъ бокъ Волги кормиться съ пятью ребятами и больною женою» ..

Сколько такихъ, какъ Ѳедоръ, ищетъ насущнаго хлѣба, переѣзжая съ одного берега Волги на другой, изъ внутреннихъ губерній за Уралъ и обратно... Будетъ-ли этому концъ и какой? Гдѣ они найдутъ себѣ покой? Неужели только въ могилѣ?..

Усминъ.

Н а с т р о е н і е.

(Изъ старой тетради)

Ученье, школа—святое дѣло,
Но много надо терпѣнья, силъ...
Душа больная, больное тѣло;
Измеркъ огонь мой и нылъ остылъ...

«Плохой работникъ, плохой учитель...
«Я это знаю, что дѣлать мнѣ.
«Простите, дѣти, я вашъ мучитель»,
Вотъ, что я мыслю тамъ въ глубинѣ...

О, Боже правый! Воспрянуть духомъ
Ты помоги мнѣ и силы дай!..
Я всей душою хочу быть другомъ
Тебѣ, родимый мой темный край!..

Н. С.

. . . И такъ шла жизнь . . .

Постниковскій учитель не очень жаловалъ мѣстную интеллигентную компанію и отнссился къ ней пренебрежительно. Такое отношеніе, конечно, злило особенно прекрасную половину мѣстнаго человѣчества. Самъ же Иванъ Ивановичъ (такъ звали учителя) водился все время съ мужиками. Тѣ въ свою очередь скоро поняли учителя и стали считать его своимъ человѣкомъ. Жизнь наладилась просто и текла безъ всякихъ конфликтовъ и недоразумѣній. Однако одиночество ильно сказывалось особенно въ длинныя зимніе вечера... Иванъ Ивановичъ въ дни такой „мерехлюндіи“ бродилъ, бродилъ до одури, въ своей неуютной холостяцкой квартирѣ. Въ самомъ дѣлѣ, сколько вотъ въ этой самой избѣ, на скорую руку приспособленной для учительской квартиры, было пережито мертвящей, ядовитой скуки. Сколько мелкаго горя и мелкихъ радостей! А все въ свое время казалось такъ важно, такъ серьезно—на полчаса; а то и болѣе... Картины прошлаго начинаютъ отчетливо и вполне стройно вырисовываться изъ путаницы мыслей.

Все и чистое и грязное съ неумолимою жестокостью встаетъ передъ умственнымъ взоромъ. Здѣсь пережиты самыя чистыя, свѣтлыя думы и хорошіе порывы раждались здѣсь же. Все шло на созиданіе идеала, который гдѣ-то далеко, но все же свѣтилъ Ивану Ивановичу среди мрака обывательщины. Но была и грязь! Вотъ этотъ уголокъ грязный! Иванъ Ивановичъ брезгливо поморщился при представленіи источника этой „грязи“—солдатки Анютки. Но тотчасъ поймалъ себя на этой гримасѣ и мысленно выругался. А образъ

Анютки точно живой стоялъ въ воображеніи. Ея тупое животное лицо чувственно красиво. Грязный уголь—любимое мѣсто Анютки и отсюда она глядѣла своими плотоядными глазами. Здѣсь она улыбалась пунцовыми чувственными губами, раздражая своимъ видомъ животныя страсти. При эдчомъ воспоминаніи становилось почему-то жутко, гадко, противно...

Въ самый разгаръ воображенія чѣмъ-то холоднымъ вдругъ вползъ вопросъ: Чѣмъ же она-то виновата? Да, чѣмъ?

Въ свое время надъ гадливостью брала верхъ молодая натура и красота Анютки. А теперь гадливость чувствуется почему-то и къ ихъ отношеніямъ и къ самой Анюткѣ. По-знакомились они совершенно случайно, хотя съ опредѣленными намѣреніями, черезъ сводницу бабу. Эта отлично сознавала, что молодой жгучей вдовѣ не прожить безъ мужчины, а учителю нужна баба. Въ результатѣ такихъ соображеній получилась связь: Анютка добросовѣстно и даже любовно посѣщала учительскую квартиру. Все было такъ просто, такъ естественно. Правда, Ивану Ивановичу подобные визиты сначала казались дикіи и преступны; было не то больно, не то стыдно послѣ нихъ. Ну, а потомъ... потомъ привыкъ. Сталъ считать ихъ безразличными и даже необходимыми. Въ порывахъ юношескаго благородства онъ предлагалъ было Анюткѣ пойти къ нему въ кухарки, но та забила, что называется, и руками и ногами, и на отрѣзъ отказалась отъ предложенія. „Ну, зачѣмъ я пойду? говорила она. Намъ и безъ того хорошо. Живу я себѣ вольной пташечкой въ своей избѣ. Никто-то мнѣ ни въ чемъ не указъ. Вздумаю къ тебѣ придти—приду; не вздумаю—силой никто не потащитъ“. При этихъ словахъ Анютка быстро вскочила со стула и точно змѣя страстно обвила своимъ гибкимъ тѣломъ учителя и замерла.. Со временемъ сношенія ихъ становились само собой чище, человѣчнѣе, не столь животными... Когда прошелъ первый угаръ, бѣшенство первыхъ оргій, учитель вполнѣ согласился съ доводами красивой бабы и оцѣнилъ крестьянскую дальновидность. „Что, въ самомъ дѣлѣ, заговорили бы деревенскія кумушки, разсуждалъ онъ, еслибъ у меня появилась молодая кухарка. Да и сами господа интеллигенты стоятъ своихъ супруговъ. Нѣтъ, должно быть не судьба! Ужъ коли ты холостой, то и пользуйся кулинарнымъ искусствомъ школь-

наго сторожа. Причемъ предоставляется широкое право пользования своими собственными талантами“.

— Иванъ Ивановичъ, пожалуйста,—перервалъ размышленія учителя вошедшій ямщикъ. Лошадь готова!

— А? готова? очнулся тотъ. Сейчас! Иванъ Ивановичъ быстро началъ одѣваться. Во дни поганого настроенія онъ ѣздилъ „пожить“ въ село къ учителю, съ которымъ однимъ только и водилъ компанію. Тутъ было можно покричать, поспорить, поговорить, погорячиться и «задать взбучку организму». Для прочей интеллигентной публики подобныхъ глупостей не существовало. Она любила покушать, выпить и сплетничать. Читала только „Свѣтъ“ и „Родину“, такъ что умственный багажъ былъ не громоздкій. Сплетничать было легко, возможно и занятно...

На первыхъ же порахъ молодой учитель далъ сцѣнку этому обществу и къ сожалѣнію ему не пришлось измѣнять своего взгляда.

— Судите сами, говорилъ онъ сельскому учителю, по привычкѣ рассказывая по комнатѣ. Что съ ними дѣлать, о чемъ говорить? Перемывать косточки и пить... И это зовутъ дружеской компаніей, интеллигентнымъ общеніемъ... Тьфу!.. Не люблю... Съ мужикомъ я чувствую себя и просто и свободно. Самъ сознаю и мужикъ знаетъ, что я ему человѣкъ свой, человѣкъ нужный, полезный, часто необходимый... А здѣсь что? Ужъ не умничать ли мнѣ прикажете, какъ Селезеневская учительница? Охъ, язва! Терпѣть не могу умничающихъ дѣвицъ. Вѣдь пустельга пустельгой, а прикрывается на прокатъ взятыми хлесткими фразами и прослыла здѣсь за умницу, да еще какую! Вы только послушайте, какъ ее выхваляетъ наша попадья,—просто оторопь беретъ. Она и дѣлу служить великому и святому, она ведетъ и народъ изъ невѣжества, рабства и тьмы... Однимъ словомъ, жрица самого высокаго культа... А, заглянешь за эти самыя фразочки, такъ и спѣшишь: тамъ лежатъ, сморщившись: мечты о замужествѣ, скудоуміе, себялюбіе—и прочая гадость...

— Однако—удивленно пожималъ плечами хозяинъ. Не совѣтовалъ бы я никому попадаться къ вамъ на языкъ. Откуда это вы только взяли, что всѣ „умничающія“ дѣвицы думаютъ о замужествѣ.

— Законъ природы,—отрѣзалъ Иванъ Ивановичъ и пошелъ дальше. Всѣ, всѣ, положительно всѣ,—рубилъ онъ, въ

гайникахъ, тамъ гдѣ-то на днѣ своихъ душонокъ, мечтають о замужествѣ. А у нашихъ-то еще нужда въ вѣрномъ кускѣ хлѣба. Это прямъ и развратъ! Продажа своего хленнаго образованнаго тѣла за кусокъ хлѣба не случайный и заработанный, а даровой, вѣрный, и пожалуй, сладкій кусокъ. Все искусство сводится къ тому: взять ли кусокъ полакомѣй, или попроче. Вы возьмите эту самую Ольгу-то Александровну. Между нами будь сказано, вѣдь она кусокъ мяса, не смотря на всѣ цвѣтистыя фразы. Но она, я даже почему-то увѣренъ, такого туману напустить на голову какого-нибудь семинариста, особенно изъ „идейныхъ“, что тотъ возьметъ да на ней и женится. И будетъ наша Ольга Александровна сытой попадѣй. Будетъ также сыпать умными фразами, но уже съ совершенно другимъ вкусомъ и выраженіемъ... Извѣстно;—поповскій-то хлѣбъ и питательнѣй и повкуснѣй учительскаго...

Иванъ Ивановичъ взволнованно сѣлъ и замолчалъ. Наступила жуткая пауза.

Эта пауза часто и послѣ вспоминалась ему. Не обстановка, не слова, не горечь рѣчи, а почему-то одна вотъ эта пауза,—жгучая, острая, ядовитая...

— Тихій ангелъ пролетѣлъ, задумчиво проговорила Людмила Васильевна, жена сельскаго учителя.

— Земскій начальникъ родился, шутливо возразилъ ей Иванъ Ивановичъ и опять замолчалъ.

— А знаете, что меня болѣе всего злитъ,—заговорилъ онъ снова.

— Чего тутъ „болѣе“? васъ все злитъ, отозвался хозяинъ. Эхъ! молодость. молодость! Свѣжая, честная, нетронутая молодость! А мы вотъ поустарѣли, попустились, опоплились. И мы были чище, хоть и не такъ какъ вы, а бывали. Все куда-то ушло, все пропало безслѣдно,—горько закончилъ онъ и опустилъ голову, точно стыдно глядѣть на божій свѣтъ.

— Да, пошлости много, тономъ ментора согласился Иванъ Ивановичъ. Пошлость и топорщенье... Ужели и меня засосетъ и утянетъ навѣки въ это болото?

— Уломаешь, друже, уломаешь, безнадежно подтвердилъ болѣе опытный и пожившій учитель и ядовито усмѣхнулся. Меня, впрочемъ и самого отъ нѣкоторыхъ штукъ коробить

пока. Есть вонъ у нашего фельдшера семейка. Слова никто не скажетъ спроста. Все съ хитрецою, все съ подвохомъ. Лучше ен говорить, неожиданно оборвалъ онъ. О людяхъ говоримъ, что сплетничаютъ, а сами что?

— Конечно не стоитъ говорить, выѣшлась Людмила Васильевна. У фельдшера дочь невѣста. Можетъ еще Иванъ-отъ Ивановичъ поженится,—тогда что? улыбаясь закончила она...

— Ой, ой, ой, засвисталъ гость. Не дождетесь—не бойтесь... А семейка все-таки подозрительна... Всѣ почему-то у нихъ замѣчательны. Мужъ замѣчательный медикъ, жена замѣчательно умная дама, дочка красавица и замѣчательно поетъ сладенькіе романсы. Даже Колюшка и тотъ чѣмъ-то замѣчательнѣе—право ужъ не упомяну. Бездарно, тупо, но самодовольно.

— Чѣмъ же они виноваты, Иванъ Ивановичъ, попробовалъ было зацѣпить хозяинъ. И смѣшно и обидно, но въ общежитіи приходится считаться и не съ такими выродками...

— Какъ, „кто виноватъ?“ Да сами, всколыхнулся тотъ. Ужъ коли считаютъ они себя образованными людьми, то и требованія къ нимъ должны быть повышенныя. Ужели можно мириться съ этимъ коровинымъ самодовольствомъ? Ужели взрослая дѣвица не можетъ найти ничего лучшаго, какъ скулить сѣси поганые романсы подъ аккомпаниментъ самаго первобытнаго кокетства? Право, вчужѣ стыдно... Вы посмотрите, какъ вся семья на себя молится! Вы на это обратите вниманіе! Вѣдь самыя недоступныя аристократы. Какъ они смотрятъ на сѣраго, цѣтесаннаго мужика, а сами?... (Иванъ Ивановичъ не договорилъ и нелѣпо развелъ руками). Э... да что тутъ! Запѣла она мнѣ при первомъ знакомствѣ дѣвица свои сладенькіе романсики и до того сконфузила, что я, ей богу, не знаю, какъ не провалился сквозь землю...

При послѣднихъ словахъ рассказчикъ сдѣлалъ такую вытянутую фізіономію, что публика, слушавшая, быть можетъ, только изъ приличія, расхохоталась самымъ непринужденнымъ образомъ. Засмѣялся и самъ Савонаролла.

— Запѣла она мнѣ что-то такое, продолжалъ онъ,—какъ онъ ее не любитъ и ей черезъ это „пришлось“ одной, одной страдать. Такъ вѣдь и ляпнула „пришлось.“ Ахъ, чертъ ее возьми! кукла она кисельная!..

— Не можетъ быть,—усумнился было хозяинъ.

— Вѣрьте, вѣрьте, запротестовалъ гость. Честное слово, правда! Да это еще что! Слушайте дальше.

— Да будетъ вамъ,—стонущимъ смѣхомъ вмѣшалась Людмила Васильевна. Вишь пересмѣшникъ какой...

Иванъ Ивановичъ отмахнулся точно отъ мухи и продолжалъ:

— Слыхала эта самая Ниночка, что слова *нарочно* и *скушно* нужно бы такъ и выговаривать образованному человѣку, а не лупить ихъ по мужицки: *скушно*, *нарочно*. Она взяла да и растянула это правило своимъ собственнымъ творчествомъ. Ну и запѣла все мнѣ же несчастному мученику-слушателю... „Всѣ гости *раскочно* одѣты,—на лицахъ ихъ радость была“... Ну, представьте мое положеніе! Это ужасъ, что такое,—(Иванъ Ивановичъ быстро вскочилъ и сталъ бѣгать по комнатѣ).—Меня прямо таки въ потъ ударило, и радъ бы я радешенекъ провалиться въ самую что ни есть преисподнюю. А тутъ еще на зло простоватый отецъ ляпнулъ: „Ну, говорить, Ниночка, ты ужъ тово... на два вершка сверхъ модыхватила“... Картина... Цѣвица, понятно, смѣшалась, я горю со стыда за себя, а супруга обдала благовѣрнаго такимъ взглядомъ, что у бѣднаго, я думаю, не морозъ, а цѣлый Ледовитый океанъ по кожѣ прокатился... Одна фраза произвела иолнѣйшій разгромъ и въ квартирѣ воцарилось то тяжелое молчаніе, которое бываетъ всегда чревато слѣдствіями. Я, чтобы какъ-нибудь разрядить атмосферу и очистить горизонтъ, началъ пороть какую-то чушь и скоро заставилъ всѣхъ смѣяться и, хоть видимо, забыть неприятное положеніе. И попала же неосторожному папашѣ, надо полагать, головомойка, закончилъ Иванъ Ивановичъ.

— И слѣдуетъ, добавила учительша: не конфузъ дѣвицу передъ женихомъ. Еще отецъ называется. . Не сунуло бы его—такъ бы все и проѣхало. Никто бы ничего не замѣтилъ.

— Пожалуй,—согласился гость.

— Али растаялъ?—насмѣшливо спросилъ хозяинъ.

Однако какъ ни чурался Иванъ Ивановичъ въ душѣ читателямъ селской, наружно онъ неукоснительно присутствовалъ на всѣхъ парадныхъ обѣдахъ. Дамочки въ такихъ случаяхъ всѣми мѣрами старались позвать на счетъ моло-

дого учителя. „Что давно не видать Васъ, Иванъ Ивановичъ?“ спрашивалъ кто-нибудь.

— Что ему къ намъ ѣздить, ежидно вставляла фельдшериха по праву самой остроумной изъ Евъ захохотѣла. У него и дома хорошо: чего хочешь,—того и просишь.

И прекрасная половина человѣчества очень двусмысленно перемигивалась и хихикала, не стѣсняясь взрослыхъ дочерей. Впрочемъ у этихъ послѣднихъ на лицѣ были написаны всѣ добродѣтели, кромѣ одной—способности мыслить, какъ мѣтко этотъ типъ очертилъ покойный Чеховъ.

Иванъ Ивановичъ полусмѣя, полусерьезно отвѣчалъ на нападки со всѣхъ сторонъ, пока мужчины не увлекали его въ свою компанію.

Удивительное дѣло! Его никогда эти нападки не злили. „Очень ужъ жизнь-то пуста, оправдывалъ даже онъ женщинъ. Чѣмъ имъ болѣе интересоваться? Ну что-жъ? Пусть почешутъ языки, коли это имъ нравится. Мнѣ не больно и не обидно.. Пустота и рождаетъ пустоту.“

У фельдшера приводилось ему бывать и не въ урочное время за медикаментами для ребятъ, Въ такихъ случаяхъ его изъ аптеки обязательно тащили въ фельдшерскую квартиру и тутъ приходилось поневолѣ просиживать мучительно долгіе часы... „Счасице ищеть своего счасица“,—мелькало тогда въ головѣ Ивана Ивановича и онъ покорно выполнялъ все, что требуется деревенскимъ этикетомъ отъ молодого человѣка. Нина Семеновна, дочь фельдшера, всѣми мѣрами старалась заинтересовать собой нелюдима и привлечь къ своимъ ногамъ, какъ выражаются герои и героини ея библіотеки. Кромѣ того, она питала и тайную надежду на замужество, потому, что каждая дѣвица обязана выйти замужъ, по ея убѣжденіямъ.

Мамаша всецѣло раздѣляла взгляды дочки, взрощенные ея любвеобильнымъ родительскимъ сердцемъ, и поведеніе Постниковскаго учителя объясняла исключительно отсутствіемъ симпатичныхъ ему дѣвицъ. Развѣ мыслимо, разсуждала она, устоять молодому мужинѣ передъ чарами молодой дѣвушки, но обязательно своего круга.

Эта умная во всѣхъ отношеніяхъ дама всю людскую породу дѣлила на два лагеря. Къ первому причисляла себя и всю интеллигенцію, ко второму—мужика.

О мужикѣ она никогда не говорила и не хотѣла говорить. Онъ для нея былъ рабочій скотъ, достоящій своей животной силой хлѣбъ, подати и прочее во благо якобы мыслящихъ классовъ. Откуда все сіе—прямо не постижимо! Дворянкой она не была, крѣпостныхъ не имѣла и въ ключницахъ отъ роду нигдѣ не состояла... О любви тоже имѣла самое животное мнѣніе. Этимъ святымъ именемъ называла чувственный трепеть и чисто скотское влеченіе самца къ самкѣ. Она казалась самой себѣ столь непогрѣшимой, что дочь и всю семью держала въ обаяніи своего авторитета. Горе дерзнувшему свергнуть этотъ авторитетъ во имя чего бы то ни было. Пустила же она босяковать родного сына подростка за то единственно, что тотъ *не уважалъ маму*... Подобная-то, съ позволенія сказать, мать своихъ дѣтей и взялась устроить матримоніальныя дѣла Ивана Ивановича. И не только взялась, даже держала пари въ интимной бесѣдѣ съ попадьей, что женить Поляковскаго учителя и не на комъ иномъ, какъ на своей Ниночкѣ...

Коли женщина захочетъ, —то поставитъ на своемъ. Прежде всего рѣшено было позондировать почву въ дѣвичьихъ думѣхъ и чувствахъ дочки.

— Вотъ, Ниночка, влюби въ себя Ивана Ивановича и заживешь своимъ гнѣздышкѣмъ. Чѣмъ не женихъ—ну? —? и слащавая мамаша любовно потрепала за подбородокъ любимицу.

— Ой, что вы, мамаша, законфузилась Ниночка, да вѣдь онъ ухаживаетъ за Селенезевской учительницей. „У-у! противная, ненавижу“... мысленно погрозила Ниночка воображаемому врагу и даже сдѣлала жестъ, какъ дѣлали, но ей мнѣнію, театральныя ученицы въ романѣ Соколова.

— Полно, дурочка! успокаивала мамаша. Гдѣ же ей равняться съ тобой... Ни кожи, ни рожи... а ты...

И мамаша, откинувшись назадъ, съ восторгомъ оглядѣла холеное дѣтище.

— Не даромъ вѣдь онъ сталъ все спорить, продолжала фельдшериха, оставшись довольна осмотромъ. Помнишь у попа на пменинахъ? Ужъ онъ и такъ-то не этакъ ее вертитъ. Другая постыдилась бы, которая ежели с... стливая барышня, а она все свое... Охъ, ужъ эти мнѣ ученныя умницы... И скучно то съ ними, да и горе! Рубашенки, поля, себѣ не

разумѣть уштопать, а туда же... Невѣста, подумаешь, выискалась! Сидѣла бы ужъ, да перемигивалась со своимъ дьякономъ. Вотъ тоже одеръ-отъ, прости Господи.

— Ой, што вы, мамаша, запротестовала Ниночка. Они очень интересно разсуждали, только не понятно. Все слова какія-то незнакомыя упоминали. Да и говорили не о любви, а все о мужикахъ, да о школѣ. Точно кому и интересно слушать. Я, право, даже не понимаю. Какі это не деликатно со стороны Ивана Ивановича. Очень даже не деликатно. Все говорилъ и говорилъ съ одной. Насъ будто бы и нѣтъ. Потомъ и другіе мужчины къ нимъ же пристади. Такая досада... У... противные!.. Нехорошущіе!..

Такіе діалоги нерѣдко происходили между фельдшерихой и дочкой, съ появленіемъ на мѣстномъ горизонтѣ Ивана Ивановича, среди хозяйственной суматохи. Обѣ не рѣдко по поводу ихъ добросовѣстно думали и, пожалуй, мечтали.

При появленіи Ивана Ивановича, Ниночка каждый разъ поспѣшно принаряжалась и была такимъ образомъ всегда готова къ пріему.

Встрѣчала она учителя каждый разъ неизмѣннымъ вопросомъ и получала стольже неизмѣнный отвѣтъ. Впрочемъ, эта манера свойственна всѣмъ деревенскимъ интеллигентамъ, культивируемымъ въ завѣтахъ Домостроя, лишь приспособленнаго къ современности.

— Что, Иванъ Ивановичъ, давно не бывали? Или у васъ и дома весело?

— Очень—вторилъ ей въ тонъ обычно Ивачъ Ивановичъ.

— Во-отъ какъ—иронизируетъ Ниночка и томно, томно, многообѣщающе вздыхаетъ. Здѣсь, молъ, бьется живое сердечко и выросла полная готовность отдать себя въ законный бракъ.

— У насъ такъ скучно... Такъ скучно, что не знаешь, какъ скоротать дни...

Мамаша обычно отсутствуетъ при встрѣчѣ. Мало ли у ней дѣловъ!? Но вѣдь ихъ бросать удобнѣе, когда уже молодые люди поговорили и поприсмотрѣлись.

— Коли скучно, такъ читали бы, ѣздили бы куда-нибудь,—рискнулъ разъ посовѣтовать Иванъ Ивановичъ. Если нужно, я и книгъ могу вамъ доставить. У меня, знаете,

этого добра довольно. Чего другого не спрашивайте, а книги всегда къ вашимъ услугамъ...

— Благодарю васъ—процѣдила Ниночка. Отъ вашихъ книгъ голова заболитъ, да бѣды, пожалуй наживешь; а толку отъ нихъ ровно никакого. Скучныя все... Брала я у вашей симпатіи, да такъ и не прочтала.

— То есть у какой же это „у моей симпатіи?“ спросилъ ошеломленный учитель.

— Ужъ будто и не знаете?—кокетничала Ниночка.

— Повѣрьте,—нѣтъ!

— И, хитрый! Думаете и не знаю? Все знаю—лукавила барышня, грозилъ пальчикомъ.

— Да давай вамъ Богъ! Знайте! настаивалъ учитель. Только и со мной подѣлитесь. А то не удобно. Про меня вы знаете то, чего я самъ даже не знаю.

— Притворяйтесь, притворяйтесь,—играла Ниночка. А книгъ вашихъ всетаки не надо! У насъ и своихъ довольно, да читать-то лѣнь! Я люблю, знаете, чтобы было написано все про нѣжное, про деликатное, чтобы было все про любовь. Я ужасно нервная, не кстати кончала она.

— О чемъ щебечете, молодые люди? спрашивала обычно, входя, мамаша въ желательный моментъ.

— Мама, мама! нарочно тоненькимъ и нѣжнымъ голоскомъ кричала Ниночка, хлопая отъ восторга ладошами. Иванъ Ивановичъ спрашиваетъ: кто у него симпатія... И притворяется, притворяется;—будто ужъ мы и не знаемъ.

— Серьезно же говорю—не знаю,—возражаетъ учитель.

— Ну, не знаете—не надо! рѣшаетъ поладливая мамаша и какъ бы забываетъ о слышанномъ...

— Гдѣ ужъ намъ, скромничаетъ про себя Ниночка. Вѣдь мы не дальвизорки...

— Что-о? восторженулъ Иванъ Ивановичъ при звукахъ незнакомаго слова.

— Не дальвизорки,—говорю,—вотъ что! Глухой вы эдакій!

— Гдѣ глухъ, а гдѣ нѣтъ,—загадочно вставляетъ мамаша и завязываетъ тотъ неизмѣнный и нескончаемый разговоръ, который выручаетъ изъ молчанія и не требуетъ никакого напряженія и новый тѣмы.

„Къ фельшеру сталъ ѣздить—быть свадьбѣ,—рѣшило общество и терпѣливо стало ждать естественнаго хода исторіи.

Часицѣ ищетъ свою часицу»—все настойчивѣй твердилъ себѣ Иванъ Ивановичъ, находя только въ этомъ Гейневскомъ афоризмѣ для себя точку опоры. У меня эта часица—Анютка. Какого же черта еще нужно?» Такъ думалъ самъ онъ, но судьба, правда не судьба, а фельшериха, готовила другое...

Дѣйствительно скоро по какому-то волшебству, а быть можетъ случайно, произошли очень важныя перемѣны въ жизни нашего захолустья. То семейство фельшера ѣздило въ Постниково, то Иванъ Ивановичъ утромъ уѣзжалъ на уроки отъ фельдшера. Очевидно, что-то началось, но что именно—не знали даже всевѣдущія деревенскія кумушки. Жизнь говорила, что неминуема свадьба, а ея все не было и не было.

«Гдѣ же это слыхано, чтобы женихъ ночевалъ у невесты», разсуждала деревня... Но факты оставались фактами загадочными и непонятными для обывателей.

— Да скоро ли кончится у васъ эта комедія? спрашивали даже интеллигенты...

— То есть что? не понималъ Иванъ Ивановичъ.

— Скоро ли будетъ свадьба, и будетъ ли? пытало общество...

— Не думаю, отвѣчалъ Постниковскій учитель. Впрочемъ всякое бываетъ, добавлялъ онъ и неприятно морщился...

— Благодаря гениальной тактикѣ фельшерихи Иваномъ Ивановичемъ всецѣло овладѣла Ниночка, а мужики и прочее интеллигентство имѣли возможность видѣть его на сколько это разрѣшала первая...

Самъ Иванъ Ивановичъ чувствовалъ себя совершенно вывихнутымъ и сталъ пить. Вначалѣ мамаша Ниночки усердно втягивала его въ пьянство, чтобъ замаскировать острогу и рѣзкость въ измѣнѣ образа жизни, но потомъ ей ужъ приходилось останавливать усерднаго пациента. Ивана Ивановича все рвало, возмущало въ этихъ сѣтяхъ, но вырваться не было ни желанія, ни возможности...

И потянулася любовная канитель, романъ безъ видимаго въ дали окончанія... Фельшериха осѣдлала учителя, но чувствовала себя непрочно въ сѣдлѣ; самъ Иванъ Ивановичъ, чуя себя осѣдланнымъ, боялся закрѣпить свое поло-

женіе бракомъ. И такъ шла жизнь... Жизнь полная противорѣчій, физической и нравственной боли, ломки и переоцѣнки всѣхъ старыхъ цѣнностей.

„Сейчасъ поѣду къ пьяницамъ, сказалъ инспекторъ учителямъ сосѣдней волости, отправляясь съ ревизіей въ Постниковское училище. «Вѣроятно и теперь оба пьяные», улыбался онъ. Семейный учитель по законамъ отраженія тоже отсвѣчивалъ улыбку начальства, хотя самъ страдалъ запоемъ.

Желаніе просвѣщеннаго начальства сбылось, хотя съ нежелательнымъ для него инцидентомъ...

Была суббота и дѣти отпускались раньше. Инспекторъ какъ разъ пріѣхалъ въ большую перемѣну, послѣ которой обычно производилась выдача книгъ и дѣти отпускались по домамъ. Учитель былъ въ квартирѣ, дѣти шалили. Инспекторъ явился и началъ занятія самъ. Иванъ Ивановичъ, зная, что перемѣна еще не кончилась, преспокойно сидѣлъ и выпивалъ съ мяснымъ торговцемъ. Квартира его была отдѣльно отъ школы и онъ не могъ не видѣть, какъ проѣхалъ инспекторъ. Но пославъ его „къ черту“, продолжалъ пріятную бесѣду. Мясникъ однако безпокойно напомнилъ, что Ивану Ивановичу пора въ школу, такъ какъ перемѣна кончилась и инспекторъ въ школѣ да и ему надо ѣхать домой. Учитель всполоснулъ себя холодной водой и отправился въ школу.

Инспекторъ, не смотря на свою выдержанность, вскинулся на него, не стѣсняясь учениковъ.

Этотъ въ свою очередь тоже вспылить. И началась безобразная свалка начальства съ подчиненнымъ. Дѣти, затравивъ дыханіе, робко слушали бурный разговоръ, пока Иванъ Ивановичъ не отпустилъ ихъ.

Но тутъ запротестовалъ инспекторъ: „Не смѣйте, дѣти, уходить! Я заниматься буду“...

— Ребята, маршъ домой, командовалъ пьяный учитель и дѣтвора, послушная любимому учителю, прыгая черезъ парты, побѣжала на улицу...

— Что Вы со мной дѣлаете—застоналъ внѣ себя инспекторъ.

— А что? спокойно спросилъ учитель. Развѣ лучше было Васъ выгнать изъ школы? Вы же ругаться пріѣхали. Предъ учениками я не позволю унижать себя... И сейчасъ напишу прошеніе объ увольненіи...

— А я не возьму, заиротествовалъ инспекторъ. Посылайте почтой...

Ребятишки между тѣмъ толпились у школы. Взрослое населеніе начало тоже стягиваться, услышавъ, что въ школѣ не все обстоитъ благополучно...

Инспекторъ, опасаясь, чтобы не вышло чего хуже, согласился идти въ квартиру учителя и напиться чаю...

Счастье его, что вышелъ вмѣстѣ съ учителемъ. Ребята такъ и сговорились: выйдетъ инспекторъ, такъ вотъ въ эту лужу и уронимъ. Былъ мартъ и передъ школой стояла огромная лужа красной навозной воды... Вотъ бы получилась картина!... Какой выводъ пришлось бы дѣлать училищной администраціи изъ подобной „демонстраціи“?

Все хорошо, что хорошо кончается...

Этотъ инспекторскій наѣздъ неожиданно и послужилъ развязкой учительскаго романа...

Скоро пришла изъ училищнаго совѣта бумага объ увольненіи отъ учительства и Иванъ Ивановичъ уѣхалъ на всегда изъ Постникова, унося на днѣ души горечь отъ жизненнаго осадка.

Въ городѣ онъ занялся репортажемъ въ мѣстной газетѣ и пьетъ непробудно...

Былъ когда-то человѣкъ и нѣтъ его...

Кабацкіе завсегдатаи знаютъ этого „литератора“ и доставляютъ матеріалъ для „предергиванья“ пзъ своей бурной, пьяной жизни...

И онъ пишетъ...

Копчикъ.

Чему и какъ я учился въ О-скомъ городскомъ училищѣ.

«Воспитаніе—великое дѣло: имъ рѣшается участь человѣка».

Сейчасъ я состою народнымъ учителемъ; въ моихъ рукахъ крупное дѣло: я душа школы, я душа деревни.

Чтобы правильно вести это дѣло, чтобы не уродовать его, необходимо самому стоять твердо на ногахъ, а этого-то и нѣтъ у меня: я изъ рукъ вонъ плохо «образованъ» и обидно поглядѣть, какъ иногда оказываешься пустымъ тамъ, гдѣ ужъ не должно бы быть этого явленія.

Знаній у меня жалкая горсточка, и отъ этого порою бываетъ слишкомъ грустно... Приходится, захлебываясь, наверстывать утерянное.

И все это отъ того, что меня изуродовали въ названномъ училищѣ, да и не меня одного, а всѣхъ, кто жилъ подъ ихъ кнутомъ «мракобѣсія».

Статья эта не имѣетъ личнаго характера,—изъ назв. училища вышли десятки народныхъ учителей, почтово-телеграфныхъ чиновниковъ, техниковъ и много лицъ другихъ профессій.

Училище служитъ разсадникомъ интеллигентныхъ труженниковъ — пролетаріевъ.

Въ г. О — вѣ существуетъ только лишь одно городское училище; другихъ училищъ. не считая начальныхъ, да жен-

скихъ, иѣтъ, отсюда ясно, что туда, въ городское училище, идетъ вся дѣтвора; отсюда выходитъ все передовая молодежь съ тѣмъ балластомъ знаній и воспитанія, коимъ снабжаетъ назв. училище.

Вотъ отчего въ этой статьѣ я и стараюсь освѣтить „духъ училища“, его фizioномію.

Это очень важно, особенно въ настоящее время, когда послѣднія должны стать на высоту своего призванія.

Это училище обслуживаетъ все населеніе г. О—ва и его окрестностей—и вотъ посмотримъ, что оно даетъ ему, чѣмъ нагружаетъ оно «молодое поколѣніе», каковы выходятъ отсюда молодые силы, и съ чѣмъ онѣ идутъ въ народъ на службу, каковы изъ нихъ могутъ быть работники, что они могутъ дать, куда и къ чему пойти!..

Вѣдь это истина, что училище оставляетъ въ душѣ учащагося глубокій слѣдъ.

Посмотримъ же, какую борозду въ душѣ учащагося прокладываетъ названное училище.

Я себя помню со втораго отдѣленія.

Помню, инспекторъ Б. далъ мнѣ кличку «бульдогъ», вѣроятно, оттого, что я ему надоѣдалъ, много говорилъ. И вотъ эту кличку я перетащилъ черезъ всѣ отдѣленія, т. е. *шесть лѣтъ*!

Весь классъ обзывалъ меня «бульдогомъ» и отъ этой клички я страдалъ до слезъ. Идешь бывало по улицѣ и вдругъ слышишь громкое-громкое: «Бу-ульдо-огъ!!!»

Половина училища у насъ была съ кличками, кои умѣло и довольно мѣтко давали учителя; естественно, что и между нами развилось состязаніе въ даваніи кличекъ, тѣмъ болѣе что это не преслѣдовалось.

Меня «разстервенили», озлобили, обезличили, и я шалить, дѣлалъ пакости—въ книжку же заглядывать рѣдко. Дома меня окружали грубые, темные люди. Кромѣ того, я могъ пользоваться книгами только лубочнаго изданія, какъ напр. романы «Родины» и т. п. Я клнилъ гроши и на нихъ покупалъ книги, но покупалъ также всякую гадость, опять таки по той причинѣ, что некому было указать на хорошія книги.

А нѣдь мнѣ тогда было 15 лѣтъ, и въ такіе годы задерживался ростъ души силъ.

Я ходилъ въ школу и у меня почти никогда не спрашивали уроки.

У меня учителемъ былъ былъ Н. А. Г—къ. Онъ занимался съ 3 и 4 отдѣленіями. Я годъ просиживалъ на скамьѣ и «вызывался» раза 4—5.

Вотъ Г—къ вызываетъ меня. Выхожу. Урокъ знаю плохо, отвѣчаю не удовлетворительно. Учитель насмѣхается, «передразниваетъ».

Я опускаю голову, на которую ушатою льются помои:

— Тебѣ въ училище ходить!? Бураками торговать! торговкою быть! Баламутъ ловилъ бы! Или подметалъ бы площадъ на базарѣ!... п-шелъ.. у-у... мерзавецъ!...

Таковыя сцены учинялись не надъ однимъ мною.

Я тихо и угрюмо бреду, прохожу мимо его, и тотъ, ругаясь, журналомъ меня по шеямъ! да такъ ловко, каналья, бьетъ, что невольно смѣются всѣ.

Учиться мы предооставлялись сами себѣ; Г—къ всегда опаздывалъ, долго засиживался въ учительской, на урокахъ или читалъ газету или писалъ письма.

Случалось иногда мы писали переложенія, но только въ годъ одно, два - не больше. Если напишемъ въ октябрѣ, то И. А. приносить ихъ въ мартѣ, да и то почти непросмотрѣнныя имъ.

Диктовокъ писали тоже не больше 5.

За то уроки заполнялись драками, ругней.

Что составляло Г—ну «сѣздить по рылѣ», ударить ученика головою о кафедру, разорвать ухо, или стукнуть увѣсистымъ ключемъ по головѣ. Благо мы ребята были крѣпки, здоровы собою.

Жиганеть много по башкѣ ключемъ—та только глухо треснетъ да заплачетъ шишкою и только...

Съ 3-го отдѣленія насъ учили (на смѣхъ курамъ!) французскому и нѣмецкому языкамъ. Учила С. В.

Звонокъ. Входимъ въ классъ. Урокъ французскаго. Ея нѣтъ. Поднимается шумъ, бѣготня. Дурѣемъ во всю—ея нѣтъ, какъ нѣтъ. Проходитъ полчаса—ея нѣтъ.

Мы ревомъ реваемъ. Пыль столбомъ—свѣта Божьяго не видно! Ея нѣтъ,—она въ учительской и вокругъ ея юбки всѣ учителя точать балясы..

А у насъ отъ рева дрожать стѣны. Открывается дверь, высовывается рыжелая голова Г—ка и, побагровѣвъ отъ волненія, произноситъ: тише вы, мерзавцы! и скрывается. . Классъ на мгновенье умолкаетъ и вдругъ громко оретъ, пищить и стучить партами: подай молъ сюда учительницу.

И вдругъ плыветъ она, мы встаемъ и что есть мочи оремъ: «Бонжур!»

Та молчптъ, вся покраснѣла какъ варенный ракъ и во все горло оретъ: «силянсь!», но классъ еще не унялся—а тутъ этого и нужно: С. В. быстро поднимается стучить дверьми и скрывается.

На смѣну ей вбѣгаетъ Иванъ Андреевичъ и оретъ:

— Мерзавцы!... Подлецы!... Всѣхъ. . у-у-у!... и пошелъ, и пошелъ, и пошелъ..

— Станьте по рядамъ! пошли вонъ! въ рекреационный залъ.

Мы выходимъ и становимся рядами. Армія громадная.

Иванъ А. выносить три стула, — На одинъ изъ нихъ кладетъ ноги, на другой садится собственной персоною, на на третьемъ табакъ, папиросы, пепельница, спички; въ рукахъ — газета!

Онъ читаетъ газету, пускаетъ кольцами дымъ — мы стоимъ и молча переговариваемся между собою. Мимо насъ изъ учительской шумно проходятъ учителя во главѣ съ С. В.

Мы стоимъ, стоимъ унылые, голодные, злые... Я на этихъ урокахъ сидѣлъ всегда смирно, но на меня была положена «за прежнія отличія» покута и я долженъ былъ всегда ея несть на своихъ плечахъ, въ силу чего меня и еще душъ 20 «отпѣтыхъ» Иванъ Андреевичъ «отгонялъ» въ стору.

Мы стоимъ: въ желудкѣ разѣзжаются извозчики, хочется ѣсть; въ головѣ шумъ, тошнить, хочется на свѣжій воздухъ—но ни съ мѣста!

Г-къ отпускаетъ по одному черезъ большіе періоды времени.

Мы стоимъ, млѣютъ ноги,—хочется плакать...

Но, наконецъ, тѣ ушли, остались мы, кучка «прокаженныхъ», — насъ онъ загоняетъ въ классъ и велитъ сидѣть до захода солнца, а самъ идетъ въ собраніе, гдѣ ужъ «налижется», — это мы знали изъ достовѣрныхъ источниковъ.

Однажды Г-къ заперъ насъ четверыхъ на ключъ въ при-

хожей, —самъ же ушелъ. Мнѣ было грустно, —я томился и отъивался... Я зналъ, что сегодня мнѣ «попадетъ», когда приду домой.

Къ вечеру мнѣ явилась необходимость удовлетворить естественной потребности. Я сталъ стучать въ дверь.

На стукъ не появлялся никто. На глазахъ у меня появились слезы. Наконецъ, я рѣшился и использовать печь... Уже было темно, когда явился сторожъ и открылъ дверь. На слѣдующій день товарищи о моемъ вчерашнемъ поступкѣ сказали Г-ку.

Тотъ далъ мнѣ хорошей трепки, *три недѣли* въ продолженіи всѣхъ уроковъ держалъ меня на ногахъ, и оставлялъ въ классѣ до захода солнца.

И у него хватало еще наглости заходить къ моей матери-торговкѣ и говорить ей, что я «ужасный мерзавецъ».

Его черствая, извоищическая душа не могла понять, что старуха — мать безпредѣльно любила своего единственного сына, мерзавство котораго отравляло ея и такъ жалкое существованіе.

Уходя изъ класса, бралъ и я сумку и направлялся къ выходу, но тутъ Г-къ давалъ мнѣ увѣсистаго подзатыльника, —пошелъ вонъ! Сиди до вечера! Я поворачиваю обратно, бросаю на столъ книги и сажусь; товарищи ушли, ушелъ и онъ.

Мнѣ грустно и тяжело: тревожно бьется сердце, сжимаются кулаки и вдругъ... градомъ брызжутъ слезы...

Въ головѣ родятся и жалятъ больной, забитый мозгъ горячія думы.

Въ школу пошелъ голодень, съ собою ничего не взялъ; сижу голодень, утомленный!

Могу ли я готовить на завтра урокъ?

Я сижу. Въ сосѣднемъ классѣ сторожъ моетъ классъ, переставляетъ парты.

Я поднимаюсь, шарю по ящикамъ, нахожу куски хлѣба и начинаю ихъ ѣсть.

Я знаю, что кто-нибудь уже зашелъ къ матери, сказалъ, что я сижу въ классѣ и она, бѣдная, страдаетъ вдвойнѣ.

И жаль же ей своего сынка, сердце изболѣлось по немъ!

«Неужели изъ него не будетъ толка»? думаетъ она. А ея сынъ «ужасный мерзавецъ» сидитъ до захода и ждетъ

учителя, который такъ и не приходитъ.

И я беру сумку и плетусь ко двору.

Иду не торопясь, медленно.

Мать, думаю, намерзлась, наработалась. Придетъ она домой, а сына нѣтъ.

Но вотъ и онъ, надо же ему задать...

— Эхъ, мама, мама! думалъ я. Не понимаешь ты ничего. Ты думаешь, я не страдаю. Да что же подѣлаешь?

— Отрастутъ у меня крылья, думалось мнѣ. Возьму съ собою мать и улечу отъ этихъ треклятыхъ людей. Наберусь силъ и брошу вамъ въ лицо всю ту грязь, которой вы, наставники мои, забросали всего меня...

Да только мать умерла...

Перехожу опять къ фактамъ.

Однажды послѣ французскаго я и еще 2 или 3 ученика остались *безъ обѣда*. Сперва мы сидѣли одни, но вскорѣ вошелъ въ классъ учитель-хохолъ Яковенко. Онъ велѣлъ намъ стать у стѣны. Мы молча стали. Онъ сидѣлъ на стулѣ и читалъ книгу.

Мы стояли уже нѣсколько часовъ. Я валился съ ногъ. Яковенко вышелъ въ залъ и сталъ пасвистывать.

Стало темнѣть. Въ сосѣднемъ домѣ зажгли лампы. Стоять дольше уже не было силъ и я что-то сказалъ. Вбѣгаетъ къ намъ Яковенко и спрашиваетъ: Что-о-о?

— Ёсть хочется и ноги болятъ, говорю я ему.

— Ёсть! На вотъ! Ёшь! сказалъ тотъ злорадно и что есть силъ ударилъ меня поскомъ въ ногу...

Такъ вотъ какъ и чему насъ учили!!!

Я былъ ученикъ, а уже съ 3 отдѣленія съ товарищами курили, ругались и иногда пили водку. Я, какъ помню, не имѣлъ тогда ровно никакого понятія, что это не красиво, вредно и пагубно и что это вовсе не нужно намъ.

На каникулахъ я бывало рыбачилъ, работалъ за мужчину, рвалъ свои силы и копилъ деньгу.

На собранные гроши покупалъ книгъ тетради и съ радостію шелъ въ училище. Но только вошелъ въ школу, такъ и пошли клички, стояніе у стѣны, подзатыльники и т. п. и опять становилось грустно и сердце всегда учащенно билось въ груди.

И не мудрено, если я, будучи «растравленъ» учителями, дважды покушался на свою жизнь!.. И могу ли я молча обойти это? Могу ли не заклеить своихъ наставниковъ позорнымъ именемъ? Могу ли я простить имъ это?

Нѣтъ—не могу!

Съ kloкочущей энергіей и злобою я говорю имъ: Вамъ нѣтъ мѣста въ храмѣ науки, который вы обратили въ казарму мракобѣсія!..

Почти все населеніе г. О. рыболовы, судовладѣльцы и торговцы.

И учителя смѣли упрекать насъ «торговою», «баламутомъ». Но какому праву они смѣли издѣваться надъ низкими профессіями нашихъ родителей?!

Откуда они берутъ наглость съ первыхъ школьныхъ дней убивать въ ребенкѣ лучшіе отношенія къ своимъ родителямъ?

Вѣдь я со 2 отдѣленія сталъ «стыдиться» своей матери: она была торговка! Я но нѣсколько дней положительно голодалъ, такъ какъ, чтобы поѣсть, надо было итти на базаръ и тамъ удовлетворить свой голодь.

И что могло получиться изъ меня, если я всѣ школьные годы стыдился, что у меня мать—торговка?!

А вѣдь перечестъ всѣхъ интеллигентныхъ тружениковъ изъ О.—то получится почти вотъ что.

Учитель—сынъ бѣднаго плотника, учитель сынъ мужика, нѣсколько учителей—сыновья торговокъ, учитель—сынъ рыбака; учитель—сынъ матроса и т. д. Дальше, почтово-телеграфные чиновники—сыновья мужиковъ, торговокъ, рыбака, швеи и т. п.; техники—сынъ прачки, трактирщика и т. п.

И вотъ пошляки—учителя калѣчили насъ, отбивали насъ отъ родителей и топтали въ грязь.

Никто изъ нихъ не понималъ (или не хотѣлъ понять) составъ дѣтской души и грубыми грязными руками ломалъ ея двери, мять всходы души и засыпалъ дѣтскую душу грязью!

И сколько трудовъ и усилій стоило намъ заравнивать ту грубую, ненужную дорогу, кою протапывали они въ нашихъ душахъ.

И выйдя изъ училища я, какъ и всѣ почти, не вынесъ ровно никакихъ знаній—умѣлъ читать да безграмотно писать.

А вѣдь всѣ мы были ребята способные, годные къ хорошему ученію,—да учили-то насъ изъ рукъ вонъ плохо!

Видѣли мы въ училищѣ ящики съ пасѣкомымп, чучела птицъ и еще кое-что, но никогда насъ не знакомили съ этимъ... учителя томились нами: ихъ тянуло въ клубъ, къ картамъ, водкѣ; къ легкому флирту и т. п., но только ужъ не возиться «съ баламутами»!

И вотъ оставилъ я училище, гдѣ промучился «семь лѣтъ»! Я получилъ *аттестатъ*! Знаній у меня не было ни на грошъ, хотя въ аттестатѣ были четверки и пятерки и даже по тройкѣ за французскій и нѣмецкій.

Ну, не смѣхъ ли, господа? Вѣдь я ни одного слова не зналъ, ни одной фразы не умѣлъ прочесть по французски или по нѣмецки...

Сколько же усилій и труда стоило мнѣ и всѣмъ товарищамъ, получившимъ аттестаты, наверстать утерянное и за-пасться дѣйствительными знаніями!..

И только по выходѣ изъ этой казармы мы развертывались и крѣпли,—одни шли впередъ, шли на службу, самообразовывались, всесторонне развивались, росли умомъ, силами,—зажигались и свѣтили.

Шли эти лица къ наковальнямъ, брали въ руки молотъ и дѣлали свое дѣло, къ которому они были приставлены.

Другіе спивались, грязли и пропадали,—и не мудрено...

Вернусь опять въ училище, къ свѣтлому факту.

Одно время появился у насъ учитель, нѣкто г. Макаровъ. Это была свѣтлая личность!

Я тогда былъ въ пятомъ отдѣленіи.—Макаровъ былъ съ нами нѣженъ, сердечно-близокъ. Занимался съ нами охотно и усердно. Мы стали много и добросовѣстно работать. Сталъ онъ ставить хорошіе отмѣтки, часто и каждого спрашивалъ. Много писали сочиненій,—онъ дѣлалъ хорошія, умныя замѣтки, ставилъ имъ слова одобренія, поощрялъ всякій хорошій трудъ.

Мы ободрились и дружно взялись за ученіе. Мы ожили,—ласки добраго и хорошато человѣка пробудили въ нашихъ душахъ лучшіе чувства и мы потянулись къ Макарову, точно къ солнцу! Никогда мы не слышали отъ него худаго слова. И мы полюбили Макарова, какъ только можетъ любить юношество свѣтлую личность!

Только онъ скоро сошелъ со сцены: на него, громко «каркая», накинлось поганое воронье-учительство и заклевало...

Одинъ въ полѣ не воинъ!...

Макаровъ поссорился съ учителями, не сталъ съ ними здороваться, не заходилъ въ учительскую, а заходилъ прямо къ намъ въ классъ, здѣсь раздѣвался и сидѣлъ все время.

Макаровъ донесъ о безчинствахъ учителей. Выѣхавъ въ училище инспекторъ народныхъ училищъ на слѣдствіе.— Воронье царство засуетилось.

Инспекторъ училища М—къ выдумалъ массу подлостей, которыя нагло взвалилъ на Макарова. М—къ сталъ зазывать къ себѣ многихъ учениковъ, въ томъ числѣ и меня, и просилъ поддержать его...

Вечеромъ собрались въ училищѣ всѣ учителя во главѣ съ пріѣхавшимъ инспекторомъ. Пригласили въ училище меня и еще нѣкоторыхъ учениковъ.

Мы сидѣли очень долго безъ свѣта въ комнатѣ 1-го класса и намъ было очень жутко.

Изъ учительской нѣсколько разъ выходилъ пріѣхавшій инспекторъ со свящ. о. Л. и о чемъ-то шептались.

Наконецъ начали допрашивать насъ.

Одинъ говорилъ, что ему на половину оторвали ухо; другой, что его били и т. п. Я также рассказалъ все.

На другой день нашъ классъ былъ въ сборѣ.

Пришелъ Макаровъ, поздоровался съ нами и сейчасъ же ушелъ въ учительскую, откуда вышелъ очень грустнымъ.

Мы сѣли за парты. Макаровъ подошелъ къ намъ, хотѣлъ что-то сказать и громко заплакалъ!...

Классъ заволновался, но тутъ вошелъ къ намъ инспекторъ, что-то сказалъ Макарову и тотъ ушелъ изъ класса.

Больше мы его не видѣли.

Бывшимъ на допросѣ совѣтъ поставилъ тройки по поведенію, какъ за „ложныя показанія“.

А на мѣсто Макарова всплыла новая фигурка, которую мы сейчасъ же и окрестили „халявою“.

Много еще я не освѣтилъ фактовъ, не желая затрагивать личности товарищей.

Вплоть повторяю, статья не носитъ личнаго характера.

Я обрисовалъ душу училища, духъ вороновъ-учителей и только.

Еще нѣсколько словъ о настоящемъ училища и тогда поставлю точку.

Въ настоящее время инспекторомъ училища состоитъ ужасный сатрапъ, не поддающійся описанію грубіяпъ и невѣжда.

Одной матери, которая пришла къ нему навести справки о сынѣ, онъ сказалъ: „ты! что? Ты—ни два, ни три, какъ кухарка! Твое дѣло на кухнѣ!“ и все въ томъ же родѣ.

Эти слова онъ сказалъ въ учительской, въ присутствіи другихъ учителей.

Другой матери онъ сказалъ слѣдующее: „такихъ, какъ твой сынъ, которые ломаютъ деревья, бьютъ стекла, надо вѣшать, разстрѣливать, сажать въ тюрьмы“ и т. п.

Къ стыду О—цвеѣ, никто не высказываетъ громко протеста этимъ сатрапамъ.

Родители учащихся даже боятся идти къ инспектору, такъ какъ послѣдній почти каждому „тыкаетъ“, кричитъ, ругаетъ и иногда выгоняетъ изъ училища. Стыдно вамъ, горожане, молча глядѣть на всѣ эти безобразія, кои творятся въ училищѣ.

Подойдите ближе къ нему и вы увидите и ужаснетесь:—тамъ уродуютъ вашихъ дѣтей.

Вы еще и до сихъ поръ не интересуетесь; чему и какъ учатъ дѣтей вашихъ дѣтей въ вашемъ училищѣ!

Стыдно, родители!

Идите ближе къ дѣтямъ, не предоставляйте имъ самимъ разбираться въ несправедливостяхъ учащихся. Прислушайтесь къ ихъ протестамъ противъ своихъ паставниковъ и вы тогда вполне убѣдитесь въ справедливости моихъ словъ.

Пора, горожане, вамъ проснуться!

И вы, „честные, хорошіе, пдейные“ товарищи, что вышли изъ этого же училища и волею судебъ живущіе въ О, также молча глядите на эти гадости и къ стыду вашему не рѣшаетесь выразить порицаніе такимъ поступкамъ!

Развѣ для васъ безразлична участь меньшихъ братьевъ вашихъ, развѣ и васъ засасываетъ типа?

Развѣ!?

Логинъ Кравченко.

А н д р е й Т о м и г о р ь.

(Изъ досуговъ сего годаго учителя).

Окна всѣ въ серебрѣ.
На широкомъ дворѣ
Злой морозко гуляетъ съ дубиной.
Краситъ грозный морозъ,
Краситъ щеки и носъ,
Насмѣхаясь надъ бѣднымъ дѣтиной,
Что послѣдній пятакъ
Тащитъ съ горя въ кабакъ,
Чтобъ согрѣть свое грѣшное тѣло,
Чтобъ забыться онъ могъ
Отъ заботъ, подъ шумокъ
Чтобы время быстрѣе летѣло.

Что же дѣлать мнѣ, братъ?
Я заснуть очень радъ,
Не могу: я всю ночьку скучаю.
Вотъ съ постели встаю
И лучину свою
Торопливо въ свѣтцѣ засвѣчаю
И берусь за перо.
Начинаю остро,
Наклоняся надъ сѣрой бумагой.
Плохо пѣсня течетъ—
Въ приемахъ все недочетъ,
Хоть за дѣло беруся съ отвагой.

Все пустыя мечты.
Не дремли-ка же ты,
Другъ мой, муза моя молодая.
Сядь поближе ко мнѣ,
Запоемъ въ тишинѣ...
Не краснѣй же, моя золотая..
Не задѣнемъ друзей,
Ни вельможъ, ни князей,
И сосѣдей оставимъ въ покоѣ—
И про нихъ ни стиха!
Прочь, мой другъ, безъ грѣха—
Знаешь времячко нынче какое.
Но избитой тропой
Не пойдѣмъ за толпой—
Грянемъ громко хоть грубо немножко.
Ну такъ что-жь? Не бѣда!
У кого, господа,
Тонокъ слухъ, затворите окошко:
Это трудъ небольшой.
Я бы радъ всей душой
Поласкать ваши уши аккордомъ,
Но...
Начну поскорѣй.
Передъ нами Андрей
Томигоръ въ самовластїи гордомъ.

Въ раннемъ дѣтствѣ клюкой
Этотъ хищникъ лихой
Околачивалъ съ воплемъ окошки:
И, стоя у воротъ
Въ шайкѣ круглыхъ сиротъ,
Пожиралъ зачерствѣлыя крошки,
Размышляя о томъ,
Кто бы принялъ въ свой домъ
На ночлегъ, посадилъ бы за ужинъ
Не пускали въ избу,
Проклиналъ онъ судьбу—
Никому оборванецъ не нуженъ.
Снова робко стучалъ
И, бывало, ворчалъ

Онъ всю ночь напролетъ передъ хатой.
Грязны губы и носъ,
Вѣчно жесткихъ волосъ
Не чесалъ онъ гребенкой зубчатой.
Аль придетъ въ Божій храмъ,
Такъ взглянуть просто срамъ;
Дыроватый такой армячишка,
Хоть десятки заплатъ
И усѣлися въ ладъ...
На ногахъ безъ портянокъ ладтишка.
И въ четырнадцать лѣтъ
Бытъ не лучше одѣтъ,
Хоть съ пастушьимъ ходилъ барабаномъ.
Только зорька чуть-чуть
Успѣвала взглянуть
Надъ сгустившимся въ полѣ туманомъ,
Онъ ужъ гналъ тощій скотъ
На равнины болотъ,
Къ ручейку или къ рѣчкѣ въ долину.
Тамъ по цѣлымъ часамъ
Горько плакивалъ самъ,
Иль затыгивалъ грустно „Калину“.
И не мало годовъ
Въ караванѣ судовъ
Мыкалъ горѣ свое на каналѣ:
Поникалъ головой
Подъ тугой бичевой
И мечталъ о пріятномъ привалѣ.
Наступала пора—
Отдыхалъ у костра,
Бралъ съ улыбкой бурлацкую чашу,
Ломоть хлѣба солилъ,
Масло постное лилъ,
Не жалѣючи, въ пшеничную кашу.

Какъ весною вода,
Протекали года—
А ему лучше не было доли:
Поникалъ головой
Подъ тугой бичевой,
Даже кости трещали отъ боли.

Мыслить будущій жомъ:
„Вѣкъ щетинься ежомъ—
„Не дождешься отрадной разлуки
„Съ опостылой сѹмой...
„А студеной зимой
„Вдвое горше натерпишься муки.
„Надо льстить—безъ труда
„Съ плечъ свалится бѣда...
„Вѣдь найдется мнѣ мѣсто въ лакейской.
„Тамъ живи, да не трусь,
„Тамъ-то я наберусь
„Вдоволь мудрости всякой житейской.“

Прожилъ годы въ добрѣ
При господскомъ дворѣ,
Подвязавши лакейскій передникъ.
А его господинъ
Не простой дворянинъ;
Господинъ тотъ былъ мѣстный посредникъ.
За искусную лесть
Воздалъ явную честь—
Былъ лакею онъ щитъ и опора—
И за гибкость спины
Приказалъ въ старшины
На трехлѣтье избрать Томигора.

„Это должность по мнѣ:
„Честь отъ всѣхъ старшинъ—
„Тутъ не пахнетъ работою рабской.
„Я по-барски одѣтъ,“
Мыслить онъ: „и обѣдъ
„Запиваю одной бессарабской.
„Не простакъ старшина:
„Знаю цѣну вина—
„Не зальешь мнѣ сивухою глотки...
„Задеру мужика,
„Какъ найду дурака
„За простою бутылкою водки.
„У меня чтобы въ срокъ
„Былъ представленъ оброкъ...”

„Если разъ появлюся къ амбару—

„Все зерно утечетъ.

„У меня есть расчетъ

„Утянуть и кляченочекъ пару.“

Онъ не видитъ въ томъ зла.

За такія дѣла

И начальство его награждаетъ.

Мужичекъ между тѣмъ

Разорился совсѣмъ

И съ семействомъ весь годъ голодаетъ.

Разъ, себѣ не въ укоръ,

Говоритъ Томигоръ:

„Шесть годовъ просидѣлъ старшиною.

„Ну, не все въ старшинахъ...

„Повышеніе въ чинахъ

„Я недолго себѣ завоюю.

„Подкуплю кулаковъ,

„Освищу дураковъ—

„Понамѣтилъ я должность другую.

„Вѣдь не стыдъ и не грѣхъ

„Говоритъ мнѣ при всѣхъ,

„Что я былъ старшиною прекраснымъ.

„Отчего бы теперь

„Не стучаться мнѣ въ дверь

„Нашей земской управы—быть гласнымъ?

„Вѣдь заманчиво: тутъ

„Рѣчи важно ведутъ,

„Ты въ дворянскомъ кругу засѣдаешь:

„Золотое житье:

„Гладишь брюхо свое

„И о важныхъ дѣлахъ разсуждаешь

„Ну, такъ вонъ изъ старшинъ!

„Есть не мало причинъ,

„Чтобъ не быть мнѣ теперь старшиною.

„И правленскій сундукъ

„Отощаль какъ-то вдругъ,

„И вся волость очищена мною.

„За иное пора.

„Я куплю три ведра

„Полномочнымъ винишка простого
„(Не терплю я его...
„Да ужъ такъ... ничего—
„Уступлю я для дѣла святого).
„Угощу ихъ, ословъ,
„Тутъ же парочку словъ
„Соблазнительныхъ имъ на закуску:
„Пусть, собираясь на пиръ,
„Выборъ сдѣлаетъ міръ!—
„Не вобьешь всѣхъ горлановъ въ кутузку.
„Вотъ еще три ведра.
„Ну кричите ура!
„И конецъ. Если кто захлопочетъ,
„Такъ того какъ-нибудь
„Не мѣшаетъ пугнуть...
„Ну, чего, молъ, дубина тотъ хочетъ?
„Чтобы я, молодецъ,
„Разорилъ васъ въ конецъ?
„Безъ меня вы найдете отраду!
„Такъ скорѣе, пора...
„Вотъ еще три ведра
„Отъ меня вамъ, ребята, въ награду!

Я люблю, господа,
Выходить иногда
Съ собаченкой своей на охоту.
Какъ-то разъ по веснѣ
И случилось мнѣ
Прогулять цѣлый день по болоту.
Неудаченъ былъ день:
Все въ колоду да въ пенъ—
Только даромъ мозолилъ я ноги...
И, какъ путникъ больной,
По опушкѣ лѣсной
Еле брелъ до почтовой дороги.
Изъ-за розовыхъ тучъ
Ярко солнечный лучъ
Золотилъ темя ели иглистой.
У нея отдохнуть
И рѣшилъ. И вдохнуть.

Ужь успѣлъ дважды запахъ смолистый,
Какъ слышался стукъ,
Звонъ и громъ за нимъ вдругъ,
И взвился преогромный столпъ пыли.
Я увидѣлъ тотчасъ
И большой тарантасъ.
Въ пѣхѣ бѣдныя лошади были.
Чхнувъ отъ пыли густой,
Закричалъ я: „постой!
„Сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались“!

Но сѣдокъ и слегка
Не погнулъ козырька.
Вѣроятно, и вы догадались—
Кто промчался въ опоръ?
Да, Андрей Томигоръ.
Онъ теперь ужъ одинъ изъ тирановъ.
Сила земская—онъ,
Побираетъ законъ
И стрижетъ онъ людей какъ барановъ.

Какъ живетъ—разскажу.
Вотъ однажды вхожу
Я въ управу—случилось дѣло...
Озираюсь кругомъ,
Вижу, въ залѣ другомъ,
Въ креслахъ лаковыхъ тучное тѣло.
Принимаюсь писать.
И успѣлъ набросать
Вѣрный образъ героя съ натуры.
Да, точъ въ-точъ, какъ онъ есть.
Неудодно-ль прочесть
Бѣглый очеркъ пузатой фигуры.
Пополнѣло лицо;
Усъ раскрученъ въ кольцо,
Голова приучесана гладко;
А когда говорить,
Какъ рублемъ вась дарить: ..
Голосъ звонкій и льется такъ сладко
А триковый жакетъ,
А атласный жилетъ,

Съ моднымъ бантикомъ галстухъ отличный.

А бѣлье первый сортъ—

Не опишеть и чертъ:

Томигоръ точно баринъ столичный.

Но, сойдясь съ мужикомъ,

Онъ ужь смотритъ котомъ.

Приметь онъ величавую позу,—

То прищуривъ свой глазъ

Улыбнется сейчасъ,

То въ бровяхъ прочитаемъ угрозу.

Выгнувъ корпусъ впередъ,

Къ верху носъ задереть,

Кулаки заложивши въ карманы,

Говорить: „Мужики!

„Вы совсѣмъ дураки!

„Вы—болваны, болваны, болваны“!

Я спросилъ у него:

„Разскажи, отчего

„Какъ сатрапу тебѣ носятъ плату?

— „Что за странный вопросъ?

„Не со мной-ли ты росъ?

„Вѣдь имѣю ума-то палату:

„Побывалъ въ старшинахъ...

„Нынче въ земскихъ чинахъ

„Поустроился выгодно больно:

„Сладко сплю на пуху,

„Бѣмъ стерляжью уху

„И съ тузами гуляю раздольно.

„Не родился глупцомъ.

„Нажилъ ловкимъ словомъ

„Не одно дорогое помѣстье...

„А видалъ ли мой боръ?

„Не бывалъ въ немъ топоръ—

„Развернулось мое краснотѣсье,

„Какъ роскошный коверъ,

„И все лѣсъ наотборъ,

„На сто верстъ по равнинѣ квадратомъ.

„Сколько рѣкъ и луговъ

„У простыхъ мужиковъ

„Оттягали намеренны мы съ братомъ!

„Безъ особыхъ хлопотъ

„Подчинилъ и господъ—

„Всѣмъ знакома могучая сила,

„Сила желтыхъ монетъ...

„Ей соперницы нѣтъ—

„Много знатныхъ она подкосила

„А кого захочу,

„Такъ живьемъ проглочу,

„Какъ глотаетъ глубокое море.

„Предо мной—всѣ рабы!

„Кто же встанетъ въ дыбы-

„Ой, и горе тому, ой и горе“!

Разъ его цапъ-царапъ

Имъ обиженный рабъ...

Подстрекаемый мстительнымъ духомъ,

Дать желая отпоръ,

Взялъ тяжелый топоръ

И хватилъ Томигора обухомъ.

Н. Вересовъ.

СЛУТИ ОТЕЧЕСТВА.

(Записки изъ недавняго прошлаго—начало смуты)

(продолженіе.)

XV.

Осенью солнышко ярко свѣтило съ голубого неба, но грѣло плохо. Послѣдніе лучи его золотили макушки сосенъ дремучаго бора, чрезъ который пролегала проселочная дорога. По ней медленно двигалась больная телѣга, доверху наполненная различною поклажею. Телѣга отъ тяжести поскрипывала, когда колеса катились по неровнымъ колеямъ. Вороная лошадка шла мѣрною ступью, слегка потряхивая гривой. Подлѣ воза шелъ старикъ средняго роста, съ сѣдой бородою и тихо пѣлъ „*отверзу уста моя*“... Онъ одѣтъ былъ въ сѣрый подрясникъ, опоясанный широкимъ зеленымъ шарфомъ. Невысокая шляпа съ широкими полями надвинулась на самыя брови, такъ что лица проѣзжаго не видно.

Выйдя изъ бора, дорога круто спускается въ довольно глубокой оврагъ, по каменистому дну котораго струится ручей; надъ нимъ виситъ бревенчатый мостъ. Проѣзжій или былъ навеселѣ, или замечтался о чемъ-то, только не принялъ никакихъ предосторожностей къ спуску въ оврагъ. Лошадь, предоставленная сама себѣ, не уменьшала шагу: тяжелый возъ напиралъ на нее сзади. Она не выдержала и понеслась. Телѣга соскочила съ передка. Лошадь бѣжала съ передними колесами до тѣхъ норъ, пока возжи не запутались около оси и не остановили ее. Старикъ подвелъ ее къ возу. „Экой

грѣхъ случился“, произнесъ онъ; „Что теперь буду дѣлать? Надо развьючивать возъ“... Но и порожней телѣги не могъ поднять на передокъ.

„Экое горе!“ воскликнулъ онъ: „силъ не стало для поднятія порожней телѣги“... Оставить поклажу на дорогѣ было опасно, тѣмъ болѣе, что ночь надвигалась, а до селенія около восьми верстъ. Рѣшился заночевать на пути. Авось какой-нибудь случай выведетъ изъ затрудненія.

Черезъ десять минутъ послышался стукъ колесъ. „Слава Тебѣ, Господи“, произнесъ старикъ и осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ: „кто-то ѣдетъ“. Стукъ слышался все яснѣе и яснѣе. И наконецъ по другую сторону моста показалась лошадь, запряженная въ тарантасъ, въ которомъ сидѣлъ молодой человѣкъ. Онъ, замѣтивъ возъ, свалившійся съ передка, и старика стоящаго подлѣ него, остановилъ лошадь и выскочилъ изъ экипажа съ цѣлюю оказать помощь потерпѣвшему.

— Помоги, добрый человѣкъ, телѣгу поднять на передокъ, просить старикъ.

— Помогу. Отчего не помочь? Да ты кто?

— Дьячекъ, кормилецъ.

— Дьячекъ? Что-то не вѣрится. Ты мало похожъ на дьячка.

— Право, дьячекъ, кормилецъ.

— Ну, дьячекъ, такъ подыму. Дьячку слѣдуетъ помочь, а для другого не стоитъ и рукъ марать.

— Дьячекъ, да... я дьячекъ.

— Да ты, смотри, не обмани меня... точно ли дьячекъ?

— Право, дьячекъ.

Молодой человѣкъ взявъ телѣгу, легко поднялъ ее на переднюю ось, но преднамѣренно ставилъ такъ, чтобы шкворень не приходился надъ дырою въ оси, показывая видъ, что будто онъ не можетъ угодить, какъ слѣдуетъ. Старикъ поощряетъ его.

— Ну, ну, кормилецъ, еще немножечко, и дѣло въ шляпѣ... еще чуточку вправо... ахъ, слишкомъ... теперь немножко впередъ... немножко влѣво...

Но молодой человѣкъ скинулъ телѣгу съ передка и сказалъ:

— Нѣтъ, не буду подымать... Можетъ быть, ты вовсе и не дьячекъ... А только сказался дьячемъ, чтобы я тебѣ телѣгу поднялъ.

— Дьячекъ, родимый; право, дьячекъ... Да вотъ посмотри самъ, сказалъ старикъ, снявши шляпу и показывая на косички.

— По косамъ ты точно дьячекъ; надо поднять телѣгу: дьячку нельзя не помочь—грѣхъ будетъ.

Молодой человѣкъ во второй пріемъ продѣлалъ съ телѣгою тоже самое, что въ первый, и опять сбросилъ телѣгу съ передка.

— Нѣтъ, ты, кажется, не дьячекъ.

— А косы-то видѣлъ?

— Видѣлъ. Да что косы? Сначала было я имъ и повѣрилъ, но вспомнилъ, что не одни дьячки носятъ ихъ: онѣ есть у всякой бабы.

— Да я не баба, я—дьячекъ.

— Кабы я зналъ, что ты точно дьячекъ, давно бы наладилъ телѣгу. Но я сомнѣваюсь... Вотъ руки-то и не подымаются. Стоитъ ли марать ихъ, если ты не дьячекъ?

— Право, дьячекъ. Да вотъ ты пріѣзжай къ намъ въ Заборье на праздникъ, на Парасковію, 28 октября, самъ увидишь меня на клиросѣ.

— А если дьячекъ, какъ тебя зовутъ?

— Иванъ Ивановичъ Покровскій.

— Иванъ Ивановичъ Покровскій? Имя, кажется, дьячковское... Телѣгу поднять слѣдуетъ. Теперь вѣрно, что ты дьячекъ.

— Да, я—Иванъ Ивановичъ Покровскій.

Молодой человѣкъ поставилъ телѣгу на передокъ, какъ слѣдуетъ, и помогъ старику уложить въ нее поклажу.

— Ну, и шутъ же ты, любезный, произнесъ Иванъ Ивановичъ: какъ вымучилъ меня... А все-таки ты человѣкъ добрый—спасибо.

— Прости, дѣдушка, подшутилъ.

— Молодымъ людямъ отчего и не шутить надъ старыми... Подшутилъ, да дѣло сдѣлалъ, и ладно вышло.

Да. Передъ нами тотъ самый Иванъ Ивановичъ Покровскій, который 28 іюля 1876 года молодымъ человѣкомъ подѣхалъ на парѣ почтовыхъ лошадей къ воротамъ гостинницы захолустнаго уѣзднаго городка въ сѣверномъ краѣ.

Вскорѣ по возвращеніи изъ Москвы, въ 1884 году, Иванъ Ивановичъ былъ посвященъ въ діаконы къ одной изъ сельскихъ церквей. Въ новой должности жилось ему не дурно, тѣмъ болѣе, что учительствованіе ему опостылѣло. Отъ природы онъ былъ болѣе склоненъ къ праздной жизни, нежели къ трудовой, и давно мечталъ сдѣлаться церковникомъ, хотя бы и послѣдней степени: дьячкомъ или пономаремъ. Но когда дядя его принялъ санъ Епископа, мечта Ивана Ивановича окрилась: блеснула надежда занять почетную степень священства.

Онъ былъ скорѣе скупъ, нежели расточителенъ, хотя при первомъ нашемъ знакомствѣ съ нимъ могъ показаться страдающимъ послѣднимъ порокомъ. Онъ съ завистью смотрѣлъ на поборы священниковъ и всегда преувеличивалъ ихъ въ своемъ воображеніи. Всякій грошъ, попавшій въ его карманъ, кромѣ учительскаго жалованья, цѣнился имъ дорого, приводилъ его въ торжественное настроеніе. Правда, онъ любилъ выпить, только на чужой счетъ, и потому, еще въ бытность учителемъ, часто посѣщалъ праздники, свадьбы, поминки, если они случались у знакомыхъ. Въ средствахъ къ жизни онъ не нуждался: у него была только одна дочь, другихъ дѣтей не было. Но изъ экономіи въ дни, когда у знакомыхъ случались праздники, жена его обѣда у себя не готовила, чаю у себя тоже не пили, чтобы съ большимъ аппетитомъ покушать въ гостяхъ. Случалось, когда жена уѣзжала на свою родину на нѣсколько недѣль, онъ выпивалъ въ компаніи волостнаго писаря или случайныхъ посѣтитей, и выпивалъ лихо: долго не вытрезвлялся. Въ нетрезвомъ видѣ приставалъ съ любезностями къ женщинамъ безъ всякаго стѣсненія, за что и получалъ отъ нихъ толчки, пинки, иногда и украшеніе на лицо въ видѣ синяка. Въ такихъ случаяхъ онъ былъ щедрымъ: угощалъ всякаго, кто попался ему на глаза. По вытрезвленіи страдалъ за потраченные зря деньги, и скупость его достигала высшей степени. Разъ онъ послѣ подобнаго кутежа пришелъ къ одной старушкѣ и сказалъ: „бабушка, дай мнѣ яичко—другое... Когда буду попомъ, я помолюсь за тебя“.—„Ну“, отвѣчала та: „еще не сталъ попомъ, а ужъ поборы требуешь“.

Иванъ Ивановичъ служилъ діаконъ въ большомъ приходѣ: праздники то въ той, то въ другой деревнѣ слу-

чались часто; но если прибавить къ нимъ крестины, именины, свадьбы, похороны, не опустительно посѣщаемыя Покровскимъ, будетъ понятно, почему онъ рѣдкій день оказывался трезвымъ.

Послѣ десяти лѣтъ діаконства онъ былъ посвященъ въ священники въ захолустный маленькій приходъ, въ которомъ числилось около полутораста душъ мужескаго пола. Но его постигло большое несчастье. Жена его была женщина слабого здоровья, заботливая, опрятная. Пьяная жизнь мужа окончательно надломилъ ее здоровье: она заболѣла и умерла. Положеніе Покровскаго стало плачевно. Въ качествѣ домоправительницы онъ взялъ къ себѣ тетку жены, сестру ее отца, старую дѣвицу. Подъ ея наблюденіемъ выросла дочь Ивана Ивановича Настя; тетка слѣдила и за самимъ Покровскимъ. Если онъ запивалъ, удаляла его въ особую комнату, поставивъ на столъ водку и закуску, а комнату запирала. Такія мѣры принимались въ предупрежденіе скандала; по смерти жены Иванъ Ивановичъ упалъ нравственно еще ниже: въ пьяномъ видѣ приставалъ ко всякой жещинѣ. Онъ иногда, чувствуя приступы недуга, самъ просилъ старушку послѣдить за нимъ: „Тетенька, запри меня на ночь въ эту комнату“, говаривалъ онъ въ подобныхъ случаяхъ.

Шли годы. Настя стала Настасьей Ивановной. Но она имѣла физическіе недостатки: станъ ея pokrивился на одинъ бокъ, къ тому же была нѣсколько косноязычна. При всемъ стараніи отцу не удалось подыскать ей подходящаго жениха изъ церковниковъ, не смотря на приличное приданое за нею. Наконецъ сестра Покровскаго посовѣтовала ему выдать Настасью Ивановну за техника, служившаго на какомъ-то пароходѣ машинистомъ. Бракъ состоялся. Въ замужествѣ Настасья Ивановна была несчастна. Мужъ ея тоже оказался пьяницей. Большую часть приданого жены растратилъ, а самое ее бросилъ. Она вынуждена была ни съ чѣмъ возвратиться къ отцу.

Это несчастье окончательно погубило Ивана Ивановича. Онъ отчаянно запилъ, и въ припадкѣ бѣшенства разсѣкъ топоромъ черепъ старушкѣ—теткѣ, пытавшейся предостеречь его отъ гибели; она, обливаясь кровью, упала и отдала душу Богу.

Нашлись люди, пожалѣвшіе несчастнаго: обмыли трупъ убитой, положили въ простой деревянный гробъ и прикры-

ли бѣлымъ полотномъ. Самъ Иванъ Ивановичъ отпѣлъ и похоронилъ покойницу.

Черезъ мѣсяцъ послѣ этого происшествія онъ поссорился съ церковнымъ сторожемъ. Послѣдній сдѣлалъ доносъ на священника, обвиняя его въ убійствѣ тетки. Трупъ ея вырыли изъ могилы. Судебное слѣдствіе установило насильственную смерть. Ивану Ивановичу воспретили совершать богослуженіе. Окружной судъ призналъ его невмѣняемость во время совершенія преступленія. Его послали въ монастырь на послушаніе недѣли на три, а потомъ дали ему должность псаломщика.

Все это произошло въ то время, когда дядя Ивана Ивановича, архіерей, былъ устраненъ отъ завѣдыванія епархіей за то, что допустилъ какой-то безпорядокъ въ томъ самомъ монастырѣ, въ которомъ была его резиденція.

Сельскій учитель.

С ъ н а т у р ы.

Машка хныкаетъ и задумчиво держитъ веревку отъ люльки маленькаго Васьки. Носъ у ней распухъ, лицо красное и мокрое отъ слезъ. Тощая косичка съ грязной красной тряпкой торчитъ на затылкѣ...

Зимнее утро.—Въ избѣ стоитъ паръ отъ коровьяго мѣсива. Мать Машки то и дѣло вбѣгаетъ и выбѣгаетъ изъ избы...

— Что ты, вражокъ, не качаешь-то,—набросилась она на Машку и схватила за косичку... Качай, качай...

Машка пуще заливается слезами и машинально держитъ веревку...

— Тебѣ сказано—не пойдешь сегодня въ школу, ворчитъ мать... Поревни еще...

Машка, выждавъ, когда мать ушла на дворъ, бросаетъ веревку отъ люльки, хватаетъ полушубокъ и котомку съ книгами, поспѣшно одѣвается и воровски-незамѣтно выбѣгается на улицу... Здѣсь, почувствовавъ себя въ большей безопасности, она уже смѣлѣй бѣжитъ въ школу, которая въ сосѣдней деревнѣ версты за три... Морозъ пощипываетъ мокрыя щеки, но Машка не чувствуетъ... Она быстро сѣменить ноженками въ большіхъ валенкахъ и пугливо оглядывается назадъ,—нѣтъ ли погони

Марья Ивановна—учительница—пила у себя въ большую перемзну... Вдругъ является толпа ребятишекъ и тащатъ Машку... Та огрызается и опять хнычетъ...

— Что такое? встревожилась Марья Ивановна...

— Воровка... у Мишки хлѣбъ украла, да и ѣсть за печкой, слышалось изъ толпы...

— Ей дома не дали хлѣба-то.. воровски ушла... пробуетъ кто-то защищать Машку. Сама она молча стоитъ, пу-гливо озираясь, какъ волченочъ...

— Хорошо—идите, рѣшаетъ Марья Ивановна, а ты останься, говорить она Машкѣ...

Ребята послушно уходятъ.

Марья Ивановна ласково гладитъ Машку и говоритъ:

— Ну, не плачь, не плачь... Въ чемъ же дѣло-то?

— Мамка не пускаетъ... Не дала хлѣба... я во... о-о-ровски... и Машка судорожно зарыдала, припавъ къ учи-тельницѣ...

Большого труда стоило Марьѣ Ивановнѣ успокоить ребен-ка и усадить за чай...

Машкѣ все отчего-то стыдно. Стыдно ей и Марьи Ива-новны и ребятъ, а ѣсть такъ хочется... Такъ бы кажется и съѣла весь Мишкинъ хлѣбъ... У него много... онъ, Мишка-то, богатъ

На урокъ Марья Ивановна разъяснила ребятамъ Маш-кинъ поступокъ и предложила имъ самимъ помогать въ нуж-дѣ или посылать къ ней...

— А ты не бойся, обратилась она къ Машкѣ. Послѣ уроковъ я сама провожу тебя до матери и переговорю съ ней...

А. С—вз.

на журналъ „Отклики народного учителя
и его досуги“.

Журналъ служить для обмѣна мыслей между учителями высшей и начальной школы. Въ немъ печатаются только статьи учителей и учительницъ (настоящихъ и бывшихъ) училищъ начальныхъ всѣхъ наименованій и городскихъ по положенію 1872 года. Отъ постороннихъ принимаются лишь письма въ редакцію по поводу помѣщенныхъ уже въ журналъ корреспонденцій.

Подписная цѣна журнала **четыре рубля** въ годъ съ доставкой и пересылкой.

Учителя и учительницы приглашаются заблаговременно присылать свои статьи по вопросамъ, интересующимъ народного учителя, сообщенія о выдающихся явленіяхъ въ жизни народной школы, разборы вновь выходящихъ книгъ для употребленія въ народныхъ училищахъ, воспоминанія, записки, дневники и т. п.

Каждая статья должна быть снабжена подписью, подъ которою авторъ желаетъ опубликовать ее (полная фамилія, инициалы, псевдонимъ и т. п.), и сверхъ того къ ней должно быть приложено (для свѣдѣнія редакціи) сообщеніе объ имени, отчествѣ и фамиліи автора и его почтовомъ адресѣ. Безъ соблюденія этого условія рукописи не только печататься, но даже и просматриваться редакціей не будутъ. Разборы вновь выходящихъ книгъ будутъ печататься только за полной подписью авторовъ.

Статьи и подписныя деньги слѣдуетъ адресовать: въ Вологду редактору—издателю журнала „Отклики народного учителя и его досуги“ Афанасію Федоровичу Знаменскому.

Имѣя въ виду понизить подписную цѣну журнала по мѣрѣ его распространенія, мы въ видѣ переходной мѣры къ значительно пониженной цѣнѣ предлагаемъ нашимъ подписчикамъ слѣдующее:

1. Подписавшіеся до 31 Декабря на оба года (1907 и 1908) присылаютъ за оба года *семь рублей*.

2. При одновременной подпискѣ изъ какого—нибудь уѣзда (черезъ инспектора, черезъ земскую управу или черезъ кого-либо изъ учителей) на двадцать пять экземпляровъ или болѣе высылается по три рубля (адреса подписчиковъ слѣдуетъ въ такихъ случаяхъ присылать въ особомъ письмѣ). Названія такихъ уѣздовъ будутъ публиковаться, и затѣмъ уже и отдѣльные подписчики изъ этихъ уѣздовъ высылаютъ по три рубля.

Мы надѣемся, что въ послѣдствіи можно будетъ еще понизить цѣну. Все зависитъ отъ числа печатаемыхъ и разсылаемыхъ экземпляровъ.

Редакторъ—издатель А. Знаменскій.

С.-Петербургъ.

Открыта подписка на новую еженедѣльную педагогическую и литературно-общественную газету, посвященную вопросам образованія и трудового воспитанія въ семьѣ и школѣ

„Жизнь и Школа“

Газета ставитъ своей задачей распространеніе прогрессивныхъ педагогическихъ идей среди дѣятелей школы, родителей учащихся и широкихъ слоевъ русскаго общества, а также освѣщеніе жизни и труда педагоговъ, общественныхъ и профессиональныхъ организаций, служащихъ цѣлямъ низшаго, средняго и высшаго образованія, какъ школьнаго, такъ и внѣшкольнаго.

Въ газетѣ принимаютъ участіе: С. В. Аникинъ, прив.-доц. П. А. Баратынскій, С. Ю. Блуменау, проф. И. А. Бодуэнъ-де Куртене, проф. А. К. Бороздинъ, И. А. Бунинъ, проф. В. А. Вагнеръ, П. И. Вейнбергъ, д-ръ А. С. Виреніусъ, В. А. Волковичъ, прив.-доц. В. В. Володкевичъ, Н. М. Глаголева, проф. И. М. Гревсъ, проф. Э. Д. Гриммъ, С. М. Глаголева-Данини, Э. К. Данини, Н. С. Державинъ, Я. И. Душечкинъ, С. А. Золотаревъ, Н. С. Карцевъ, И. П. Козловскій, проф. Н. И. Карѣевъ, Н. И. Коробка, прив.-доц. А. Э. Лане, проф. П. Ф. Лесгафтъ, А. Л. Липовскій, В. С. Лихачевъ, прив.-доц. Н. О. Лосскій, ад.-проф. Н. Н. Ляминъ, Н. О. Нестеровъ, прив.-доц. А. П. Нечаевъ, А. Л. Никитинъ, Н. Н. Окуловъ (Тамаринъ), проф. Л. І. Петражицкій, свящ. Григорій Петровъ, Н. И. Позняковъ, проф. К. А. Поссе, Н. А. Рубакинъ, С. Ф. Русова, прив.-доц. В. Н. Сперанскій, Э. К. Столица, академикъ кн. И. Р. Тархановъ, Н. Д. Телешовъ, д-ръ М. С. Уваровъ, проф. Г. В. Хлопинъ, Н. В. Чеховъ, Евг. Н. Чириковъ, проф. В. М. Шимкевичъ, С. И. Шохоръ-Троицкій, Г. К. Штембергъ, И. Л. Щегловъ и др

Программа газеты:

- I. Руководящія и оригинальныя статьи по вопросам школьнаго и внѣшкольнаго образованія.
- II. Рефераты и обзоры изъ русской и иностранной педагогическiй литературы.
- III. Художественно-литературный отдѣлъ.
- IV. Оффиціальный отдѣлъ.
- V. Корреспонденціи и хроника.
- VI. Критика и библіографія.
- VII. Почтовый ящикъ.
- VIII. Справочный отдѣлъ.
- IX. Объявленія.

Въ этихъ отдѣлахъ будутъ помѣщаться статьи и сообщенія, касающіяся низшаго, средняго и высшаго образованія, школьнаго и внѣшкольнаго; общихъ вопросовъ педагогикъ, физическаго воспитанія и школьной санитаріи; дѣятельности государственныхъ и общественныхъ учреждений въ области образованія (Гос. Думы, земствъ и городовъ); учительскихъ организацій и просвѣтительныхъ обществъ, родительскихъ кружковъ и комитетовъ; организаціи профессиональнаго образованія; устройства публичныхъ курсовъ и лекцій, воскресныхъ и вечернихъ классовъ, народныхъ университетовъ, библіотекъ и читаленъ, книжныхъ складовъ, музеевъ, выставокъ по народному образованію, образовательныхъ экскурсій и дѣятельности спортивныхъ обществъ и кружковъ.—Особое вниманіе газета удѣлитъ вопросамъ народнаго образованія въ Россіи и за границей, стараясь отмѣчать недостатки въ его постановкѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ указывать, при какихъ условіяхъ оно могло бы отвѣчать современнымъ требованіямъ жизни.—Газета приметъ всѣ мѣры къ тому, чтобы въ надлежащей степени освѣщать правовое и матеріальное положеніе учащихся и способствовать ихъ объединенію.—Придавая важное значеніе частной инициативѣ въ дѣлѣ образованія, газета будетъ отмѣчать всякое новое теченіе въ этой области.— Широко будетъ поставленъ отдѣлъ учительскихъ корреспонденцій и сообщеній.—Газета будетъ сообщать о всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ явленіяхъ въ области законодательства по народному образованію и научно-педагогической литературы, а также будетъ

давать всякаго рода справки и указанія практическаго характера по вопросамъ школьнаго и внѣшкольнаго образованія.

Подписная цѣна: на годъ 2 руб. 50 коп., на полгода—1 р. 25 коп. съ доставкой и пересылкой.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи и въ крупныхъ магазинахъ [обѣихъ столицъ. Г.г. многогородныхъ просятъ обращаться прямо въ редакцію: С.-Петербургъ, Забалканскій пр., д. 22, Гимназія Г. К. Штемберга. Телефонъ № 265—64

Первый № выйдетъ 15 Октября 1907 г.

Подписавшіеся до 1 Января 1908 г. получаютъ бесплатно всѣ номера, вышедшіе въ 1907 году.

Редакторъ *Г. К. Штембергъ.*
